

Т.Г. Семенова, А.В. Семенов

***ДЕНЕЖНЫЕ
РЕФОРМЫ
РОССИИ
в XIX веке***

Санкт-Петербург

С30 Семенкова Т. Г., Семенков А. В.

Денежные реформы России в XIX веке / Оформ. худож. Б. Г. Смирнова.— СПб., 1992.— 144 с: ил. 7. ISBN 5-86528-008-2

Перед Россией в XIX в. стояло множество финансовых проблем, которые были блестяще решены крупнейшими теоретиками и практиками финансовой науки — М. М. Сперанским, Е. Ф. Канкриним, С. Ю. Витте. О том, как осуществлялись денежные реформы в XIX в., вы узнаете из предлагаемой книги.

Для научных работников, специалистов банковской и финансовой системы, аспирантов и студентов экономических вузов.

Рецензент *Р. В. Корнеева*

**Татьяна Георгиевна Семенкова Александр Владимирович
Семенков**

ДЕНЕЖНЫЕ РЕФОРМЫ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Редактор *Е. И. Васьковская*
Технический редактор *Е. В. Траскевич*
Корректор *Н. М. Небылова*

Сдано в набор 20.05.92. Подписано в печать 15.11.92. Формат 84X108/32.
Гарн. литер. Бумага офс. Печать офсетная. Печ. л. 4,50. Тираж 10 000.
Заказ № 618. Цена договорная

© Т. Г. Семенкова, А. В. Семенков

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Книга первая

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА Е. Ф. КАНКРИНА И ЕЕ ПОДГОТОВКА

Реформистские увлечения Александра I	7
М. М. Сперанский о монетном обращении	16
Денежное обращение при министре финансов Д. А. Гурьеве	24
Граф Н. С. Мордвинов о необходимости протекционизма и о пользе частных банков	33
Двадцать лет на огненном стуле русского министра финансов	43
Проведение денежной реформы 1839—1843 гг. Бумажные рубли становятся серебряными	55

Книга вторая

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА С. Ю. ВИТТЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Денежное обращение после Крымской войны (1853—1856 гг.)	67
Введение золотых денег	85
Общество финансовых реформ (1910—1915 гг.). Заботы Государственной думы о расходовании народных денег	93
Дискуссия о государственном и частном кредите	118
Министр финансов В. Н. Коковцев о необходимости сохранения бюджетного равновесия	130

ПРЕДИСЛОВИЕ

Финансовые проблемы в настоящее время волнуют не только специалистов. Нужна ли сегодня денежная реформа, и как ее проводить? Авторы данной книги не берутся дать прямые ответы на эти вопросы. Но, рассказав об истории финансов России, надеются помочь разобраться в причинах финансовых трудностей и в формах их разрешения на исторических примерах проведения денежных реформ в России в XIX в.

На пороге XIX в. появилась яркая фигура реформатора М. М. Сперанского, министром финансов России с 1823 по 1844 г. был граф Е. Ф. Канкрин, а на рубеже XIX и XX вв. денежную реформу провел С. Ю. Витте. В начале XX в. свой вклад в развитие финансов и русской экономической мысли внесло „Общество финансовых реформ». Для правильного понимания истории преобразования финансовой системы России с конца XVIII до начала XX в. необходимо кратко осветить конкретные исторические условия, в которых она формировалась.

Авторы впервые в нашей историко-экономической литературе предпринимают попытку подойти к оценке деятельности экономистов прошлого с объективным критерием, выдвигаемым современными требованиями. В предлагаемой книге анализируются особенности финансовой политики, проводившейся в России на протяжении XIX в., направленной в целом на промышленное развитие, преодоление последствий ряда войн и на достижение

подобающего России места в мировой экономике. Все эти задачи актуальны и для наших дней.

Сторонником быстрого промышленного развития России был М. М. Сперанский. Он считал, что для этого необходимо решить вопросы финансов и денежного обращения, а также преобразовать государственное управление. Неудачным в отношении реализации финансовых реформ было пребывание на посту министра финансов Д. А. Гурьева (1810—1823 гг.). Объектом непрекращающихся споров в экономической литературе является деятельность Е. Ф. Канкрин, более 20 лет (1823—1844 гг.) возглавлявшего Министерство финансов России. Признание деятельности Канкрин, как идеолога промышленного и торгового развития России, оспаривается в труде «История русской экономической мысли» (М., 1958 Т. I, ч. 2, стр. 6). В действительности в центре внимания Канкрин было оздоровление финансов страны, и он единственный достиг бездефицитного бюджета в 40-х гг. XIX в.

Заметное влияние на подготовку и проведение реформ в начале того же века оказал адмирал и председатель Вольного экономического общества граф Н. С. Мордвинов. А завершился XIX в. талантливой деятельностью в области финансов С. Ю. Витте. Он был разносторонним экономистом и политиком: написал книгу „Принципы железнодорожных тарифов при перевозке грузов», активно содействовал строительству Сибирской железнодорожной магистрали; будучи министром финансов в 1892—1903 гг., С. Ю. Витте занимался экономическими и политическими делами Дальнего Востока; форсировал развитие промышленности, содействовал организации и проведению в 1902 г. Сопещения о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Им введена винная монополия, заключены таможенные договоры с Германией 1894—1904 гг. Проведенная им денежная реформа 1895—1897 гг. отвечала интересам крупных промышленников в России, тесно связанных с иностранным капиталом, глубоко заинтересованным в твердой

валюте, а следовательно, и в денежной реформе, знаменовавшей утверждение золотого монометаллизма.

Развитие финансов в первом десятилетии XX в., не получившее освещения в советской экономической литературе, рассмотрено в разделах „Общество финансовых реформ (1910—1915 гг.). Заботы Государственной думы о расходовании народных денег», „Дискуссия о государственном и частном кредите» и „Министр финансов В. Н. Коковцев о необходимости сохранения бюджетного равновесия». Деятельность Общества финансовых реформ представляет интерес, поскольку проводимый в научных докладах анализ состояния и перспектив финансовой системы страны может стать основой исследования нынешнего состояния финансов.

Авторы предприняли попытку своей работой хоть в малой степени удовлетворить значительно усилившийся в настоящее время интерес молодых предпринимателей и учащейся молодежи к истории русской экономической и финансовой мысли.

Книга первая

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

Е.Ф. КАНКРИНА

И ЕЁ ПОДГОТОВКА

РЕФОРМИСТСКИЕ УВЛЕЧЕНИЯ АЛЕКСАНДРА I

В начале XIX в. зарождались предпосылки для экономических преобразований в России — наряду с мануфактурой создавалась машинная индустрия, начало развиваться крупное машинное производство. Этому способствовало в последней четверти XVIII в. расширение роли товарно-денежных отношений. Рост внешней торговли характеризовался следующими цифрами: объем русского экспорта с 29 млн. руб. в начале 90-х г. XVIII в. увеличился до 58 млн. руб. к 20-м гг. XIX в.¹ Расширение роли финансово-денежных отношений выразилось в возросшей потребности денег для покрытия нужд обращения. Количество денег в обращении за последнюю треть XVIII в. возросло с 2.6 до 212 млн. руб.²

Начало XIX в. характеризовалось обострением противоречий между капиталистами-предпринимателями и помещиками-земледельцами, богатевшими в результате вывоза за границу сельскохозяйственной продукции, особенно зерна в Англию. Увеличение количества промышленных предпринимателей требовало большего числа вольнонаемных рабочих, чему препятствовала крепостническая система в стране. Если в 1770 г. в России насчитывалось 260 промышленных предпринимателей, на которых работало 50 тыс. человек, то в 1804 г. уже было 2402 предпринимателя, число рабочих в стране составило 95 тыс. человек.³

Большинство рабочих были крепостными: в суконной промышленности 90 %, в металлургическом производстве 72 %. Крепостническая система и натуральное хозяйство становились тормозом экономического развития страны. Состояние финансов России в начале XIX в. характеризовалось ростом

государственного долга. Расходы на содержание царского двора при Екатерине II увеличились в 5.3 раза, аппарата управления в 5.8, армии в 2.6 раза.⁴ Отрицательно воздействовали на финансы страны войны и резкие изменения во внешнеторговой политике.

Подготовка интервенции против революционной Франции и новый договор с Англией обеспечивали России значительную денежную субсидию. Однако после смерти Екатерины II (1729—1796 гг.) сторонники соглашения с Англией были потеснены другой партией, которую возглавлял канцлер А. А. Безбородько (1747—1799 гг.). В силу этого подготовленный в 1796 г. договор лишь два года спустя (в 1798 г.) одновременно был заключен с Англией, Австрией и Турцией против Франции.

Во время царствования Павла I (1796—1801 гг.) планы государственных и финансовых преобразований в конце XVIII — начале XIX в. были нацелены на слом прежних порядков и вначале имели прогрессивные черты. Он освободил из заточения А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. В 1797 г. Павел I издал Манифест о непринуждении крепостных крестьян работать в праздничные дни. Для поддержания русской буржуазии в этом же году был установлен протекционистский тариф, приостановлена начатая при Екатерине II перечеканка монет. Вместо прежнего серебряного рубля (1762—1796 гг.), лигатурный вес которого равен 24 г 72-й пробы, чистого серебра 18 г, начали чеканить рубль лигатурным весом 29.25 г из сплава 83¹/₃ пробы, чистого серебра 25.39 г.⁵

На гербовой стороне рубля 1796 г. изображен орел, а в 1797 г. — онограмма Павла I, состоявшая из четырех букв „П», образующих крест, в середине которого цифра „I». Выпуск этого рубля был узаконен 0 января 1797 г.⁶

Проба нового рубля и монетная стопа полностью соответствовали наиболее полноценным деньгам Западной Европы. С этих пор с русских денег

исчезли портретные изображения, в частности Екатерины II. На рубле выпуска 1798 г. портретную сторону по указанию Павла I заменял картуш с надписью: „Не нам, не нам, а имени твоему», при этом подразумевалось продолжение: «Да будет хвала!».

В России в 1769—1899 гг. существовал счет на рубли и ассигнации. Царское правительство стремилось укрепить курс бумажного рубля ассигнациями. Для этого при Павле I Указом от 18 декабря 1797 г. было подтверждено, что ассигнации „всегда мы признавали и признаем истинным общенародным долгом при казне нашей», и устанавливался обмен бумажного рубля ассигнациями на медную или золотую и серебряную монеты с лажем (надбавкой) 30 коп. на рубль.

Не долго были открыты банки для исполнения этого указа: спрос на золото и серебро, которые в торговле шли с лажем 40 коп., был так велик, что их запасы истощились в несколько дней. Выпуск новых денег при Павле I был исторически важным, ибо это вводило русский рубль в разряд монет, обращавшихся в Западной Европе, упрощало таможенные расчеты и внешнеторговые операции. Однако начинание это вскоре потерпело провал, а чеканка новых рублей была прекращена. Дело в том, что из-за недостатка серебра в качестве сырья использовались талеры. Наиболее полноценный «альбертов» талер оценивался в 1 р. 40 к. Такое соотношение соответствовало количеству серебра в прежних рублях 1762—1796 гг. Но новые павловские рубли 1796—1797 гг. стоили значительно дороже. Возникла опасность, что новые рубли, приравненные к старым, будут скупаться по старой нарицательной стоимости, перечеканиваться в талеры и продаваться русской казне по 1 р. 40 к. Это могло принести иностранцам 40 % прибыли. Для предотвращения такого положения был введен 3 октября 1797 г. рубль, лигатурный вес которого составлял 20.73 г при пробе 83 $\frac{1}{3}$.

Большое влияние на финансовое положение страны в конце XVIII в. оказали подготовка и ведение войны. Предпринятые в 1799 г. Итальянский и Шведский походы под руководством А. В. Суворова при большом героизме рус-

ских солдат проходили в небывало трудных условиях, без какой бы то ни было поддержки со стороны союзников — австрийцев и англичан. Хотя цель похода и не была достигнута; однако эта неудачная компания принесла русскому войску и А. В. Суворову больше славы, чем иная блистательная победа. Россия вышла из коалиции против Франции, а Наполеон Бонапарт стал искать сближения с Россией. Союз России с Францией против Англии и Турции, заключенный в 1800 г., существенно не изменил напряженного финансового состояния страны. Главным источником финансовых средств государственной казны в XVIII—XIX вв. было обложение населения прямыми сборами и разного рода налогами. Подушное обложение в России существовало с первой четверти XVIII и до 80-х г. XIX в. и сопровождалось острой классовой борьбой. В 1794 г. была резко повышена подушная подать и дополнена продовольственным (хлебным) сбором. Созданная Павлом I в 1796 г. особая комиссия предложила заменить хлебный сбор деньгами, по 40 коп. с души, что должно было дать казне до 5.6 млн. руб. ассигнациями. К 1801 г. размер подушной подати составлял 56 коп. По росписи доходов на 1801 —1802 гг. подушная подать с крестьян составила 18.5 млн. руб., или 22.5 % так называемых штатных доходов.

Неприглядная сущность фискально-податной политики царизма в конце XVIII в. была раскрыта А. Н. Радищевым. Он выступил с требованием отмены подушной сословной подати и оброчных платежей, ратовал за введение подоходно-имущественного обложения.⁷

Изменения в организации финансовой системы России в начале XIX в. в известной мере были обусловлены новшествами в связи с дворцовым переворотом, произошедшим 11 марта 1801 г. Вступление на престол Александра I (1777—1825 гг.) сопровождалось многими преобразованиями, горячо ожидаемыми всеми слоями русского общества: были восстановлены привилегии дворян, из крепостей освобождены политические заключенные,

объявлена амнистия бежавшим при Павле I за границу, разрешен свободный въезд и выезд из страны, ослаблена цензура и открыты частные типографии.

В то же время были сделаны шаги в угоду помещикам, экспортировавшим сельскохозяйственную продукцию и являвшимся потребителями импортных товаров. Буквально в первые дни своего царствования Александр I подписал Манифест от 14 марта 1801 г., отменивший ряд запрещений на вывоз сельскохозяйственного сырья и промышленных товаров, установленный Павлом I при введении тарифа 1797 г. Это наступление на протекционистский тариф вызвало беспокойство в среде буржуазии. 10

Обострилась борьба между сторонниками свободного рынка и протекционизма. Идеологи нарождавшейся русской буржуазии, в их числе председатель департамента государственной экономики Н. С. Мордвинов и министр коммерции Н. П. Румянцев, утверждали, что слабое развитие промышленности по сравнению с мировым уровнем не позволяет встать на путь фритредерства, так как это совершенно подорвет отечественную экономику. Они выступали против преобладавшего мнения, согласно которому следовало „давать полную свободу торговле в урон своих заведений и мануфактур». Россия могла бы встать на путь отмены таможенных пошлин не иначе как в том случае, когда конкуренция иностранной промышленности уже не будет страшна ей. Надо сказать, что ныне, спустя почти 200 лет, Россия на этот путь еще не встала и поэтому призывы к фритредерству, увы, преждевременны.

Экономическая политика просвещенного абсолютизма в 1801 —1804 гг. интенсивно обсуждалась в узком кругу „молодых друзей» нового императора и проявилась в составлении „негласным комитетом» проектов реформ, направленных на приспособление самодержавной монархии к имеющимся общественным условиям. В комитет вошли П. А. Строганов, Адам Чаторыйский, Н. Н. Новосельцев и В. П. Кочубей. Главной обсуждаемой проблемой было государственное переустройство. По отдельным вопросам император советовался с С. Р. Воронцовым, П. В. Завадовским, Н. С. Мордвиновым, Д. П. Трошинским.

Особым расположением царя пользовался А. А. Аракчеев, возглавлявший Военное министерство.

С 1806 г. кружок друзей царя постепенно потерял свое значение, хотя Александр I еще не расстался со своими конституционными мечтами. В течение войны 1812 г. он придерживался либеральных взглядов. В венском конгрессе русский царь ратовал за конституционное устройство Польши и ввел там представительское правительство. Он не только явился конституционным королем в Польше и в завоеванной у шведов Финляндии, но и объявил, что такие же учреждения готовятся для России. Александр I дал Финляндии конституцию и новое устройство, позволил ей быть в законодательном, судебном и административном отношениях независимой от империи.⁸

11

Реформаторские увлечения Александра I распространялись и на Россию. Большое влияние на дальнейшие преобразования в финансах России оказали события, последовавшие после заключения Тильзитского мира. Пребывание во Франции, личное знакомство с Наполеоном не прошли бесследно ни для Александра I, ни для сопровождавшего его в роли представителя департамента военных дел Государственного совета М. М. Сперанского, ставшего первым исполнителем финансовых и управленческих преобразований в России начала XIX в.

Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839 гг.) получил образование в Петербургской духовной академии, проявив незаурядный ум и обширные познания. Выдающиеся способности позволили ему в короткий срок пройти путь от преподавателя математики и философии до государственного секретаря. М. М. Сперанский стремительно продвигался по служебной лестнице. В 1803 г. он занял пост директора департамента Министерства внутренних дел. В 1806 г. М. М. Сперанского, во время болезни министра внутренних дел В. П. Кочубея, неоднократно посылали с докладами к Александру I. Личные контакты, как утверждает историк А. Н. Пыпин, стали вскоре очень частыми. М. М. Сперанский оставил министерство и в качестве статс-секретаря работал только по поручениям самого царя. В 1808 г. М. М. Сперанский был во Франции в свите государя, в числе его ближайших доверенных лиц.⁹ В 1809 г. ему поручили составить общий проект государственных преобразований, который и был представлен. В проекте „Государственного уложения» он предлагал рассредоточить законодательные, исполнительные и судебные функции. По положению Государственного совета М. М. Сперанский мог контролировать

любое министерство. Особенно его внимание было приковано к Министерству финансов. Свои познания М. М. Сперанский расширял в совещаниях с наиболее просвещенными государственными деятелями, особенно с Н. С. Мордвиновым.

Вскоре было претворено в жизнь предложение М. М. Сперанского о преобразовании „Непременного совета», созданного в момент вступления на престол Александра I „для рассуждения и утверждения дел государственных», в Государственный совет в качестве законодательного органа, состоящего не из выборных, а утверждаемых царем лиц. М. М. Сперанский, назначенный секретарем Государственного совета, энергично приступил к реорганизации министерств, изменению их структуры и функций.

М. М. Сперанский предусматривал расширение политических прав людей „среднего состояния». В целях улучшения чиновничьего аппарата им впервые было введено требование наличия университетского образования для чиновников, а также обязательного участия в государственных учреждениях и реальной службе придворных особ. В 1810 г. Государственному совету был представлен „План финансов» М. М. Сперанского, в котором интересы дворян ущемлялись в угоду общегосударственным интересам. Российское крепостническое дворянство боялось проявления либерализма в экономической политике и неодобрительно относилось к реформаторской деятельности М. М. Сперанского.

С 1812 г. до середины 20-х гг. XIX в. М. М. Сперанский был устранен от прямого влияния на ход экономических преобразований в стране. Современники вспоминали: „Ни на одного из русских государственных людей не клеветали столько, как на Сперанского, а по разбору фактов он оказывается человеком очень редкого природного благородства».¹⁰ Используя трудности военного времени, противники, объявив шпионом М. М. Сперанского, добились его ссылки в Нижний Новгород, а вскоре еще дальше от столицы — в Пермь.

Но Сперанский не был виноват в том, что был устранен от либеральных преобразований в стране. Наиболее просвещенная часть общества, которая

чувствовала потребность в реформах, не имела возможности свободно высказываться, „потому что еще властвовали прежние порядки, между тем для консервативной оппозиции была возможность интриговать и выдавать свои интриги за спасение Отечества».¹¹ М. М. Сперанский стал жертвой исторического недоверия и недоразумения. К сожалению, огромное большинство общества и не думало ни о каких гражданских улучшениях, „было довольно стариной и не искало никакой свободы».¹²

Возвращен к государственной деятельности М. М. Сперанский был в 1816 г. сначала в должности пензенского губернатора, а затем генерал-губернатора Сибири, где он провел большую работу по разоблачению злоупотреблений властью, казнокрадства и лихоимства.

Особенно важными для истории финансов являются два периода в деятельности М. М. Сперанского: ранний — когда он выступил составителем „Плана финансов», и поздний — когда он, возвратившись в Петербург, возглавил департамент законов Государственного совета. Уже царем Николаем I (1796—1855 гг.) ему было поручено составление „Свода законов». Громадный труд М. М. Сперанский выполнил за короткий срок — 1826—1833 гг. Его теоретическими взглядами руководствовался Е. Ф. Кан-крин,¹³ который осуществил в 1839—1843 гг. денежную реформу, чему посвящен один из разделов данной книги.

В 30-х гг. М. М. Сперанский принимал активное участие в деятельности Министерства финансов, которое возглавлял Е. Ф. Канкрин, обстоятельно занимался проблемами финансов и денежного обращения. Весной 1831 г. М. М. Сперанский составил проект совершенствования денежного обращения, называвшийся «Мысли о новых билетах казначейства», и направил его министру финансов Е. Ф. Канкрину. Между М. М. Сперанским и Е. Ф. Канкриным возникла оживленная переписка. Последняя крупная работа М. М. Сперанского „Записка о монетном обращении» была также направлена министру

финансов. Позже эта работа была издана с замечаниями графа Е. Ф. Канкрин. В 1839 г. М. М. Сперанский был награжден графским титулом.

Наиболее полно финансово-экономические проблемы России М. М. Сперанский изложил в работе „План финансов». Но прежде чем рассмотреть ее содержание, остановимся кратко на событиях, предшествовавших появлению этой работы. Государственные реформы, подготовленные М. М. Сперанским по указу Александра I в тайне в 1809 г., вылились в преобразования Государственного совета, министерства и сената. Манифест 1 января 1810 г., провозгласивший создание Государственного совета и назначение М. М. Сперанского государственным секретарем, был встречен с недоверием среди дворянства и чиновников.

М. М. Сперанским для рассмотрения на Государственном совете были подготовлены два документа: проект „Гражданского уложения» и „План финансов». Обосновывая необходимость преобразований, он указывал две причины: во-первых, тяжелое положение финансов, требовавшее непременно новых и значительных налогов и дошедшее до последней степени беспорядка; во-вторых, смешение в сенате дел суда и управления. Эти документы были написаны в новом стиле, полностью отвергавшем прежний тон безраздельного права абсолютистской власти, присущий екатерининским и павловским временам.

Законопроект, названный „Гражданским уложением», поспешно подготовленный, содержал много недоделок. Но предполагалось, что это лишь проект, который будет отточен и усовершенствован в процессе его принятия. Прогрессивным явилось и то, что был осуществлен шаг от самовластия монарха к власти, основанной на законах. „Два года тому назад умы самые смелые едва представляли возможным, чтобы российский император мог с приличием сказать в своем указе: «Вняв мнению Совета», два года тому назад сие показалось бы оскорблением величества".¹⁴

Важные преобразования, намеченные в министерствах, первоначально учрежденных Манифестом 8 сентября 1802 г., после нескольких лет практики оказались далеко несовершенными. М. М. Сперанский считал важнейшими минусами недостаточную ответственность министров и неточное распределение дел между министерствами. Большие надежды в преобразовании государственного управления он возлагал на переустройство штатов министерства, упразднение некоторых органов управления и повышения требований к уровню культуры и образования служащих.

Тем не менее М. М. Сперанскому принадлежит в истории финансовых и экономических идей роль мыслителя и теоретика; практически в начале XIX в. он управлял финансами страны.

В отличие от практической деятельности первых министров финансов теоретическими исследованиями в области финансов и экономики занимались граф Н. С. Мордвинов, граф В. П. Кочубей, граф М. М. Сперанский, профессор, первый ректор Петербургского университета М. А. Балугьянский. Они являлись представителями умеренного либерального направления, которому сочувствовал и ряд лиц из высшего военного управления. Особенно способствовали развитию русской финансовой мысли горячие споры в Государственном совете при обсуждении «Плана финансов» М. М. Сперанского.

М. М. СПЕРАНСКИЙ О МОНЕТНОМ ОБРАЩЕНИИ

В „Плане финансов" М. М. Сперанский наиболее полно рассмотрел экономические проблемы России, разработал теоретические основы реформ в области финансов и денежного обращения, формирования бюджетного дела. Он стремился приспособить состояние финансов к новым требованиям, начинавшим проникать во все сферы хозяйства. При составлении „Плана финансов" М. М. Сперанский учел теоретические изыскания, сделанные в этой области до него русскими экономистами Балугьянским, Вирстом и Якобом, но создал эту работу самостоятельно, изложив ее неподражаемым по краткости и логике стилем.

Многие из предложений М. М. Сперанского остались лишь проектами, мечтаниями; однако внимательное прочтение его работ дает широкое представление об истории денежного обращения в нашей стране.

„План финансов" был нацелен на укрепление российского предпринимательства, зарождавшегося в среде купцов-мануфактуристов и обуржуазившихся дворян. В первой части, называвшейся „Начала общие", вскрывая причины расстройств финансов, М. М. Сперанский утверждал: „Главное расстройство в финансах — есть несоразмерность расходов с приходами". И далее продолжал, намечая пути финансовых преобразований: „Соразмерность восстанавливается двумя способами: сокращением издержек и приумножением доходов".¹⁵ Он надеялся исправить финансовое положение России посредством строгой бережливости.

М. М. Сперанский предлагал сокращать издержки, руководствуясь следующим правилом: необходимые издержки сохранить, полезные отложить, излишние вовсе прекратить. Под необходимыми издержками он понимал „безопасность государства как внешнюю, так и внутреннюю", а также издержки, отсрочка которых может повлечь за собой большие убытки, и издержки, без которых не может действовать управление. Под излишними издержками государства он понимал те, которые „служат к одному великолепию, к украшению, к оказанию щедрости, польза от которых сомнительна".¹⁶

В „Плане финансов" М. М. Сперанский в 1810 г. называл вредным предложенный казначейством способ погашения разницы между расходами и доходами в 65 млн. руб. за счет увеличения налогов на 11 млн. руб. и за счет выпуска ассигнаций на 54 млн. руб. Он предложил совершенно прекратить новый выпуск ассигнаций, издержки казны сократить на 25 млн. руб., чтобы недостаток составлял не 65 млн. руб., а 40 млн. руб. Издержки он считал возможным сократить посредством увеличения покупательной способности рубля, путем прекращения дополнительных выпусков ассигнаций, сокращения расходов департамента военного на „вновь предполагаемые здания и инженерные работы",

путем изменения снабжения продовольствием войск в польских губерниях: вместо отпуска серебра „укрепить хлебный в сих провинциях сбор, несравненно дешевле и удобнейший".¹⁷

По департаменту внутренних дел согласно „Плану финансов" М. М. Сперанского предусматривалось приостановить „все вновь предполагаемые строения, а начатые рассредоточить". Во внешнеторговых операциях предлагалось приостановить выплату некоторых внешних долгов. М. М. Сперанский считал необходимым все подати и налоги „приблизить к тому исчислению, в котором им по первому их началу быть надлежало".¹⁸

Суждения М. М. Сперанского в „Плане финансов" о бумажных деньгах основывались на убеждении, что бумажных денег может быть ровно столько, „сколько есть капиталов к купле и менее способных, сколько есть кредитных бумаг".¹⁹

Под „капиталом" он понимал все, что может быть „обращено в мену и куплю". В зависимости от обеспечения М. М. Сперанский делил кредитные деньги на четыре группы, основанные на

- 1) серебре;
- 2) меди;
- 3) товарах и недвижимых имуществах: векселя, закладные и бумаги заемные;

4) предложении капиталов, а не на самих капиталах. М. М. Сперанский специально останавливался на оценке преимуществ третьей группы кредитных денег. Он сформулировал основной принцип кредита: достоверность кредитных бумаг „зависит от верности залога", оговаривая, что кредит может быть срочным и бессрочным. Характеризуя срочный кредит, он писал: „Устанавливается условие... о количестве и качестве платежей".²⁰

В разделе „О превращении ассигнаций в другие кредитные бумаги" М. М. Сперанский признает необходимым обмен ассигнаций на кредитные бумаги,

разменянные на серебро. Для этого необходимо „превращение ассигнаций в истинные кредитные бумаги, на серебре основанные”.²¹

Для „устройства постоянной монетной и кредитной системы” М. М. Сперанский предлагал осуществить погашение ассигнаций, для чего необходимо было провести 5 %-ный заем на основе серебра в сумме 25 млн. руб. на 10 лет. При успехе первого займа предполагалось провести второй на тех же условиях, а при неудаче — второй заем осуществить в виде лотереи. Проводить займы рекомендовал до „уравнения ассигнаций серебром”.²²

Вслед за проектами налоговой реформы в целях погашения государственного долга он предлагал внутренние займы, которые в действительности способствовали развитию производства и капиталистических производственных отношений.

С критикой проекта „Плана финансов” М. М. Сперанского выступил Н. М. Карамзин. В консервативной части общества, выразителем настроений которой стал Н. М. Карамзин, не было каких-либо желаний к изменениям, наоборот, крепко жила привязанность к старине. Н. М. Карамзин нападал на М. М. Сперанского, обосновывал ошибочность признания ассигнаций государственным долгом, называл ассигнации деньгами, а обесценение их объяснял войнами и наличием бюджетного дефицита.

Состояние финансовой системы России постоянно находилось в зависимости от войн. В первом десятилетии XIX в. военные расходы продолжали расти, что привело к ухудшению финансового состояния страны. Увеличивался выпуск ассигнаций, что привело к значительному падению их курса.

Методологической основой взглядов М. М. Сперанского была теория трудовой стоимости, проповедовавшаяся классиками политэкономии А. Смитом (1723—1790 гг.) и Д. Рикардо (1772—1823 гг.). М. М. Сперанский родился в один год с идеологом английской классической политэкономии Д. Рикардо и, подобно ему, считал, что „богатство государства образуется и возрастает трудом”.²³ Он справедливо утверждал, что металлические деньги не в силах

удовлетворить все потребности „частных и общественных дел“, и поэтому ратовал за ассигнации и кредитные бумаги.

Он не только был знаком с сочинениями А. Смита, но и переписывался с европейскими учеными-современниками, о чем поведал биограф М. М. Сперанского М. А. Корф.²⁴ Кроме влияния передовой западной европейской мысли воздействие на приверженность М. М. Сперанского к концепции трудовой стоимости оказало традиционно поддерживаемое христианским учением положение о трудовом начале богатства. Не следует забывать, что М. М. Сперанский получил духовное образование и всю жизнь изучал теологию, оставив немало трудов по этому вопросу.

Обширные познания М. М. Сперанского позволили ему выступить в своих работах и как историку финансов и денежного обращения в России. Одним из первых выпусков ассигнаций, как справедливо утверждал М. М. Сперанский, явился медный рубль, приравненный к серебряному, что было предпринято в связи с экономическими трудностями, возникшими в России в результате войны со Швецией и Польшей в XVII в. Как известно, это привело в 1663 г. к „медному бунту“. Бумажная ассигнационная система была введена одновременно с учреждением двух банков: С.-Петербургского и Московского, названных в Манифесте 1769 г., их утвердившем, «променными», что выражало их назначение обменивать металлические деньги на ассигнации, производить обратный обмен ассигнаций на золото. В Манифесте 1769 г. не оговаривалось количество пускаемых в оборот ассигнаций, ибо оно определялось наличием звонкой монеты в стране (из пуда меди чеканили монеты на 16 руб.). Спустя 17 лет, в 1786 г. С.-Петербургский и Московский банки соединились в один Ассигнационный банк. С прекращением обмена ассигнаций сила их заключалась лишь в праве платить ими подати. Этого было недостаточно для их обеспечения. Поэтому была установлена граница выпуска ассигнаций — 100 млн. руб. Однако десять лет спустя их было уже 150 млн. руб.

По системе М. М. Сперанского, разделившего на три периода движение ассигнаций в России: 1) „время равенства“; 2) „время падения“; 3) „время постепенного повышения“, с 1788 г., когда завершился первый период, началось падение курса акций. Второй период продолжался с 1788 по 1815 г.

В действительности падение курса было обусловлено социально-экономической политикой самодержавия, и в первую очередь войнами.

Ежегодное падение курса ассигнаций ударило и по казне. Например, выпущенные в 1790 г. ассигнации в объеме 111 млн. через год вернулись в казну, но составляли только 96 млн. руб., убыток казны равен 15 млн. руб. В 1801 г. был выпущен 221 млн. руб., а в виде доходов они составили лишь 146 млн. руб. С 1810 по 1815 г. огромное количество выпущенных ассигнаций в 761 млн. руб. составляло в виде доходов не более 187 млн. руб. Ущерб в доходах от падения курса ассигнаций царское правительство пыталось возместить за счет введения новых налогов, надбавок к податям и пошлинам. Интересно отметить, что, по мнению М. М. Сперанского, в России той поры не был приведен в действие другой рычаг, а именно изменение цен. Он утверждал, что в России рост цен шел медленно, медленнее, чем падение курса ассигнаций. Он это объяснял тем, что „производительные силы возрастают быстрее, нежели потребности“.²⁵ Но все же цены росли. От падения курса бумажных денег и роста цен несли потери и частные лица, в первую очередь те, которые получали определенное жалование, и пенсионеры.²⁶

С 1815 г. по градации М. М. Сперанского, отражающей действительное состояние дел, начался третий период— „время постепенного повышения“. Падение курса акций было приостановлено посредством „постепенного извлечения из обращения известной их части“. Из 761 млн. извлечено из обращения посредством займов и других мер около 166 млн., осталось 595 млн.²⁷

В „Записке о монетном обращении“ М. М. Сперанский подробно и убедительно излагал причину удешевления серебра. Меры и пути выравнивания курсов серебра и ассигнаций он видел во введении кредитных денег взамен

ассигнаций. Ассигнации не имеют внутреннего достоинства монеты и выступают „как зачетные квитанции на платеж следующих правительству податей". Стоит лишь остановить прием ассигнаций в уплату налогов, как они превратятся в ничего не стоящие бумажки.

Кредитные же деньги выступают в виде векселей, выдаваемых частными лицами, в виде банковских билетов и билетов казначейских, выдаваемых правительством. Кредитные деньги, по мнению М. М. Сперанского, отличаются от ассигнаций тем, что „сила их утверждена на платеже, а достоверность платежа — на законе взыскания". Тем самым он ратовал за кредитные деньги, способствующие развитию промышленности и торговли.

Кредитные деньги, по его мнению, удобны в обращении и могут полностью заменить металлические. Преимущество кредитных бумаг в роли монеты (М. М. Сперанский употреблял термин „кредитная монета") состоит в их способности представлять „капиталы ожидаемые". Например, купец А может превратить наличный товар в серебро и купить другой товар у купца В. Но доход, ожидаемый от земли, купец А имеет право только заложить, следовательно, дать кредитные бумаги. Так, кредитные бумаги, по мнению М. М. Сперанского, выступают как монета для металлов, металлы — как монета для товаров. Важнейшими свойствами кредитной монеты он считал: 1) достоверность; 2) удобство оборота; 3) обширность, большую по сравнению с монетой металлической, ибо „она объемлет капиталы не только наличные, но и ожидаемые".²⁹

М. М. Сперанский один из первых выступил с обоснованием создания центрального банка и развертывания кредитных операций. Его план предусматривал такую организацию деятельности банка, которая освобождала бы банк от чрезмерной зависимости от правительства, как это было, когда банк служил источником покрытия постоянного бюджетного дефицита. Прогрессивным было его предложение о замене дворянских банков долгосрочного кредита, выдававших ссуды под залог „ревизских душ", новыми частными банками, созданными на акционерных началах, которые выдавали бы кредиты на

развитие промышленности и сельского хозяйства под залог недвижимого имущества.

Предложения М. М. Сперанского в целом были направлены на создание центрального банка, замену ассигнаций кредитными деньгами, казначейскими билетами, основанными на серебре, расширение вексельного оборота, организацию кредитных операций в целях укрепления экономики страны. Только в 1860 г., через 21 год после смерти М. М. Сперанского, в России был утвержден Государственный банк. Кредитная реформа 1860 г. ликвидировала

Коммерческий банк и Государственный заемный банк, а „для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы" был создан новый Госбанк. Денежная реформа Е. Ф. Канкрин, осуществленная в 1839 - 1843 гг., во многом опиралась на теоретические исследования М. М. Сперанского.

Наряду с государственными делами М. М. Сперанский занимался философией. Некоторые из составленных им афоризмов характеризуют его принципы служения делу. Он писал: „Степень бескорыстия есть степень правды"³⁰ и далее „...жизнь отдельная, жизнь в самом себе есть жизнь ложная, болезнь в теле; истинная жизнь есть жизнь в другом".³¹

М. М. Сперанский в своем отношении к государственным преобразованиям прошел путь, присущий многим русским политическим деятелям: от либеральных прогрессивных суждений к середине 20-х гг. он „скатился" к консервативным взглядам, а в конце жизни — к защите неограниченной монархической власти. Тем не менее в целом деятельность и сочинения М. М. Сперанского, несомненно, внесли положительный вклад в историю финансов России. Сперанский высоко ценил сочинения А. Н. Радищева. Являясь одним из инициаторов создания Комиссии составления законов, М. М. Сперанский настоял на привлечении к ее деятельности А. Н. Радищева, о котором писал: „Радищев может с совершенным успехом составить историю законов, творение необходимое и в коем, по дарованиям его и сведениям в отечественной истории, он может много пролить свету на тьму нас облегающую".³²

Стремление к новому, присущее М. М. Сперанскому, подчеркивал и декабрист Н. Тургенев: „Все, что он видел около себя, не только не могло удовлетворить его пылким желанием и порывам, но... вызывало его искать перемен".³³

Надо отметить, что деятельность М. М. Сперанского не увенчалась полной реализацией его замыслов. Только часть задуманных и предложенных им реформ была осуществлена на деле, да и то во второстепенных своих частях. Однако творческое наследие М. М. Сперанского, особенно его работы „План финансов" и „Записка о монетном обращении», внесли большой научно-теоретический вклад в развитие русской финансово-экономической мысли, и они не только ярко характеризуют экономическое состояние страны в начале XIX в., но и наметили возможные пути оздоровления финансов страны в настоящее время.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРИ МИНИСТРЕ ФИНАНСОВ Д. А. ГУРЬЕВЕ

Начало второго десятилетия XIX в. в финансовом мире ознаменовалось назначением 1 января 1810 г. нового министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева (1751 —1825 гг.) В это время истинным вершителем финансовых дел был М. М. Сперанский — государственный секретарь и, как видно из предыдущего раздела, автор многих проектов реформ. М. М. Сперанский, содействовавший приходу Д. А. Гурьева на пост министра финансов, надеялся найти в нем соратника и исполнителя своих финансовых проектов, в чем, однако, просчитался. Д. А. Гурьев, поддержанный крупными сановниками В. П. Кочубеем, Н. М. Карамзиным и др., добился принятия Манифеста 9 апреля 1812 г., сводившего на нет предложения М. М. Сперанского и способствовавшего отставке последнего. В 1812 г. было введено единообразное обращение банковских ассигнаций и тем самым устранено одно из главных оснований „Плана финансов" М. М. Сперанского — сокращение бумажных денег. Все платежи разрешалось уплачивать ассигнациями по курсу того дня, когда

проводилась уплата, что привело денежное обращение в ужасное замешательство и установило простонародный лаж, который впоследствии с величайшим трудом смог ослабить, а затем устранить лишь следующий министр финансов граф Е. Ф. Канкрин.

Чтобы одни и те же ошибки не повторялись в финансовой истории одного и того же государства, надо знать эту историю. В России, как и во всех странах, финансовые реформы проводились с целью упрочения и укрепления финансовой системы, для чего осуществлялись те или иные преобразования денежного обращения, предполагавшие переход от старой денежной единицы к новой, отвечавшей требованиям текущего момента. Можно назвать пять видов денежных реформ, типичных для всех стран: 1) переход от одного типа денежной системы к другому, или от одного денежного товара к другому; 2) замена старой обесцененной, неполноценной монеты новой, полноценной, или неразменных денежных знаков разменными; 3) изменение системы эмиссии денег; 4) стабилизация валюты, или частные меры по упорядочению денежного обращения (этот вид реформ и проводился при Д. А. Гурьеве); 5) образование новой денежной системы в связи с государственным переустройством.³⁴

В России в 1818—1823 гг. при министре финансов Д. А. Гурьеве предпринимались отчаянные попытки стабилизировать и упорядочить денежное обращение методом дефляции, предполагавшим уменьшение денежной массы путем изъятия из обращения излишних бумажных денег. Одним из примеров четвертого вида реформ явилось изъятие из обращения и последующий обмен 50- и 100-рублевых купюр, осуществленное в 1991 г. и состоящее в попытке стабилизации рубля, но проведенное методом частичной ликвидации старых денежных знаков и выпуском новых бумажных знаков в меньшем количестве.

Возвращаясь к событиям прошлого века, хотелось бы рассказать о самом Д. А. Гурьеве, тем более что в 20—80-х гг. XX в. в экономической литературе о нем никогда ничего не писалось.

Д. А. Гурьев начал службу средним чиновником в сенате в 1772 г. В начале XIX в. с приходом к власти Александра I и важными преобразованиями в министерствах началось продвижение Д. А. Гурьева. Удача пришла к нему на 28-м году службы: он стал товарищем первого министра финансов. С введением новой министерской системы управления в 1802 г. министром финансов был назначен Алексей Иванович Васильев. Он был трудолюбивым и исправным чиновником в высоком смысле этого слова. А. И. Васильев обладал незаурядными способностями и обширными познаниями. Он имел, как вспоминают его современники, „благородный и твердый характер". Состояние финансов в период управления А. И. Васильева резко ухудшилось, ибо ожидавшийся разрыв с Францией в 1804 г. увеличил военные расходы и сразу возрос дефицит. Последующие войны 1805, 1806 и 1807 гг. привели к огромному выпуску бумажных денег. А. И. Васильев был горячим сторонником союза с Англией. Он умер в августе 1807 г., а в сентябре того же года началась война России с Англией, чему он противился. „Что может быть счастливее,— восклицает историк,— как вовремя умереть".³⁵

Пост министра финансов до 1 января 1810 г. занимал племянник А. И. Васильева Федор Александрович Голубцов, взгляды которого не совпадали с взглядами его дяди. Но Д. А. Гурьев остался в роли товарища министра и при Голубцове. В связи с еще большим ухудшением экономического положения страны составление финансового плана и финансовых преобразований было поручено государственному секретарю М. М. Сперанскому. Ф. А. Голубцов, стремясь к самостоятельности в решениях, мешал М. М. Сперанскому в его деятельности. Тем не менее, при министре Ф. А. Голубцове финансовое состояние страны продолжало ухудшаться: возрос выпуск ассигнаций, что привело к значительному падению их курса, курс бумажного рубля опустился в 1809 г. до $43\frac{1}{3}$, а в 1810 г. до $25\frac{2}{3}$ коп.

Ф. А. Голубцова на посту министра финансов сменил Д. А. Гурьев. Он был „искателен" и угодлив, богат, но не знатен, Д. А. Гурьев был человек

умный, но не имел другого образования, кроме свободного владения французским и итальянским языками. Он был интриганом и честолюбцем. В молодости Д. А. Гурьев служил секретарем-компаньоном у миллионера Скавронского, с которым более трех лет прожил за границей, в основном в Италии. Это придало ему иностранный лоск, но не дало образования, более всего он усовершенствовался в гастрономической части, что впоследствии притягивало в его дом знатных и нужных людей, любивших вкусно поесть. Его продвижению по службе способствовала женитьба на графине П. Н. Салтыковой, которая ввела его в круг петербургской знати. Д. А. Гурьев славился не только изобретением гурьевской каши, но и других блюд, в его доме изысканно готовили по заграничному меню. К нему охотно приходили на обед, а министр народного просвещения А. Н. Голицын обедал у него ежедневно и платил за стол 4000 руб. в год.

В развитие экономической и финансовой мысли Д. А. Гурьев не внес научного вклада. По словам В. П. Кочубея, он обладал умом неповоротливым и ему «трудно было удержать равновесие рассуждений». Д. А. Гурьев не имел необходимых знаний, однако результаты его практической деятельности не могут быть изъяты из истории финансовых реформ. Он действовал под противоречивым влиянием более компетентных сотрудников, которые, к сожалению, часто защищали интересы землевладельцев, не желавших ничего менять.

Во время управления Министерством финансов Д. А. Гурьевым (с 1810 по 1823 г.) крупные выпуски ассигнаций продолжались, эмиссия которых с 212 млн. руб. в 1800 г. возросла до 836 млн. руб. в 1817 г.³⁶ Большие надежды по преодолению бюджетного дефицита, который не уменьшался, Д. А. Гурьев возлагал на учреждение Государственного коммерческого банка. Не малое значение имела и новая система подчинения банку государственных кредитных учреждений. Но попытка переориентировать Государственный заемный банк с операций по кредитованию дворянского землевладения на кредитование

промышленников встретила жесткую оппозицию со стороны консервативного дворянства, имевшего, однако, большинство в Государственном совете.

Д. А. Гурьев, опасаясь непопулярности, избегал введения новых налогов. Но он вынужден был ввести новые налоги, которые, как и предполагалось, повсеместно вызвали негодование. К подушной подати был прибавлен 1 руб., к оброчной подати 2 руб., с купеческих капиталов взимался налог $\frac{1}{100}$ %. Была введена пошлина с пива, повышена цена гербовой бумаги, паспортов, подорожных тарифов, увеличены пошлина на чай, почтовые сборы, подати с колонистов и торгующих крестьян, удвоены горные подати и установлен временный подоходный налог с помещиков по добровольному объявлению от 1 до 10 % в зависимости от величины дохода от 500 руб. и соответственно до 16 тыс. руб. и выше. Русские подданные, жившие за границей, должны были платить 20 % со своего дохода.³⁷

Правительство Александра I, особенно министр Д. А. Гурьев, принимало меры стабилизации денежного обращения посредством извлечения из обращения части ассигнаций. Всего в России за 1818—1823 гг. было изъято из оборота 240 млн. руб. ассигнациями. 16 апреля 1817 г. начала работу Государственная комиссия по погашению долгов. Было решено изъять часть ассигнаций, на что употребить доходы от государственного имущества и другие государственные доходы. Одновременно было решено прибегнуть к займу. При Д. А. Гурьеве были заключены два внутренних бессрочных займа на сумму 113 млн. руб. и два внешних займа на 83 млн. руб. Полученный в Амстердаме займ в 40 млн. руб. дал возможность изъять и сжечь ассигнаций на 118 млн. руб. Второй займ в 43 млн. руб. позволил изъять из обращения 181 млн. руб. ассигнаций, но результаты были мизерными: в 1820 г. за 1 руб. серебра вместо 400 коп. ассигнациями давали 373 коп., а в 1823 г. 380 коп.

Д. А. Гурьев никогда не был уверен в своих действиях и обращался за советами по делам своего министерства ко всем, к кому мог. Бывший государственный секретарь М. М. Сперанский писал Д. А. Гурьеву из Пензы

в 1817 г. по поводу предложений по укреплению кредитной системы: „Сии превосходные учреждения ставят правительство наше на такой высоте финансовых соображений, к которым и сама Англия доходила веками. Чтобы возбудить доверие к правительству, оно обязано прежде всего иметь доверие к самому себе... доверие к лицам и их правилам, раз правила сии приняты". На наш взгляд, этот совет не потерял своей мудрости и в наши дни.

Деятельность Д. А. Гурьева принципиально и достаточно резко критиковали в Государственном совете адмирал Н. С. Мордвинов и граф Е. Ф. Канкрин. Спор шел не только о финансовых реформах, но и о поощрении развития мануфактур, внешнеторговом тарифе, протекционизме. Сторонником протекционизма выступал граф Н. С. Мордвинов, являвшийся с 1820 г. членом Кабинета министров и членом Финансовой коллегии. В горячих спорах в Государственном совете им противостояли консерваторы, поддерживавшие Д. А. Гурьева и считавшие, что быстрое развитие промышленности отвлечет людей и капитал от сельского хозяйства. Консерваторы — крупные землевладельцы — выступали против протекционистского, запретительного тарифа и ратовали за свободу торговли, так как защищали свое право продавать за границу сельскохозяйственную продукцию, получая взамен добротные иностранные товары.

Дело в том, что еще в конце XVIII—начале XIX в. во времена правления Павла I (1796—1801 гг.) и до 1810 г. при Александре I в России проводилась фритредерская политика. Лишь в 1807 г. был несколько повышен таможенный тариф на сахар, ткани, хлопчатобумажную пряжу. В год вступления Д. А. Гурьева на пост министра финансов был принят новый тариф (только на один 1811 г.), направленный на сокращение ввоза иностранных товаров и облегчение вывоза русских промышленных и ремесленных произведений. Консерваторы вели напряженную борьбу за отмену тарифа, но до 1816 г. действие протекционистского тарифа ежегодно возобновлялось. Д. А. Гурьев защищал свободу торговли, выгодную землевладельцам, защищал интересы потребителей иностранных товаров.

Новый тариф, введенный 31 марта 1816 г., был полупобедой Д. А. Гурьева. Он выступал в правительственных кругах защитником предоставления льготных условий для ввоза иностранных товаров, при этом он стремился не к выгодам страны в целом, а лишь выражал интересы феодального дворянства. В 1819 г. все же был введен свободный тариф, ибо Д. А. Гурьев и феодальная знать, представлявшая еще достаточно мощную силу, борясь против экономических интересов новой группировки — предпринимателей и купцов, были против покровительственного тарифа. Они называли фабрикантов спекулянтами и грабителями и, рассуждая как недалёковидные обыватели, „плакались" о вреде поощрительного тарифа якобы для всех потребителей, ибо помещикам было жаль расставаться с возможностью потребления иностранных товаров.

Влияние таможенного тарифа на развитие отечественной промышленности видно на примере производства сахара в стране. После введения свободного тарифа в 1819 г. и отмены запрета ввозить сахар количество заводов уменьшилось с 51 до 29. Свою линию по отмене запретительных тарифов Д. А. Гурьев пытался объяснить тем, что якобы запретительная система приносит вред, из-за отсутствия конкуренции отбивает желание к усовершенствованию изделий.

Итак, еще одна ошибка, совершенная в годы управления Д. А. Гурьевым Министерством финансов, вызванная неустойчивостью внешнеторговой политики, состояла в содействии перехода к фритредерской политике (свободной торговле). В 1816 и 1819 гг. были утверждены фритредерские тарифы.

Однако победа землевладельцев была непрочной. В 1822 г. фритредерские тарифы под нажимом критики были вновь заменены на протекционистские.

В 1826 г. был изменен вновь таможенный тариф: повысились пошлины на сахар, крашеные и набивные ткани, поскольку беспошлинный ввоз товаров (которого добивался Д. А. Гурьев) нанес сильный удар по развитию отечественной промышленности и привел к банкротству и гибели многих предприятий в стране.

Особенно большое недовольство вызвал представленный Д. А. Гурьевым бюджет — роспись о доходах и расходах на 1821 г., в котором на содержание Министерства юстиции было направлено 5 млн. руб., что составляло одну сотую часть государственных доходов. Критикуя Д. А. Гурьева, Н. С. Мордвинов восклицал: „В Европе нет государства самого малого, едва могущего равняться с одною из областей России, которое бы свыше оно обделяло правосудие своего".³⁹

При Д. А. Гурьеве даже в мирное время военные расходы поглощали половину доходов государства, казна была накануне банкротства, а он в своих отчетах сообщал: „Все обстоит благополучно".⁴⁰ Д. А. Гурьев не пользовался должным авторитетом как министр финансов, несмотря на поддержку влиятельного тогда А. А. Аракчеева, которой он впоследствии лишился. Против Д. А. Гурьева было настроено общественное мнение. Даже в донесениях полиции 1818—1819 гг. сообщалось о недовольстве министром Д. А. Гурьевым: „Мнение общее единогласно против министра финансов. Ропот на произвольные во многих случаях действия его весьма распространился. Говорят, что закон им наблюдается только в пользу казны, а толкуется всегда в ущерб, частного человека".⁴¹

Можно привести такой случай. А. Л. Нарышкин просил министра финансов „купить в казну" за 700 тыс. руб. его дачу на Петергофской дороге. Невзирая на истощение государственной казны, Д. А. Гурьев согласился на эту покупку, чтобы угодить А. Л. Нарышкину. Но когда на другой день Комитет министров предложил раздать 1 млн. руб. крестьянам, то министр финансов воспротивился, утверждая, что это значит потворствовать лени крестьян и что этой суммы, при расстройстве финансов, выдать нельзя.⁴²

Желая провести то или иное мероприятие, Д. А. Гурьев всегда приводил один довод: если мероприятие, им предлагаемое, Государственный совет не примет, он не в состоянии будет удовлетворить требования Военного мини-

стерства; и еще у него был один прием — новый проект он подносил прямо царю, а потом уже Государственному совету как одобренный Александром I.

Большим недостатком работы Министерства финансов при управлении Д. А. Гурьевым было отсутствие должного учета. Д. А. Гурьев не мог представить отчет Государственному совету о предпринятой в 1822 г. попытке сократить расходы Военного министерства. В то время разрешалось покрывать недостатки по одной статье остатками по другой. Это привело к полному нарушению ведения счетов и такой запущенности, что послужило скорейшей отставке Д. А. Гурьева. В 1822 г. им было внесено предложение прекратить ссуды помещикам из заемных банков — это доконало Д. А. Гурьева. Друзья и нахлебники тут же отвернулись от него, в печати появились карикатуры.

В апреле 1823 г. на праздник Пасхи состоялось назначение министром финансов Е. Ф. Канкрин. Встречаясь, люди говорили: „Христос воскрес — Гурьев исчез“⁴³ На вопрос, почему человек, столь мало способный, мог держаться так долго на столь важном и трудном посту,— один ответ: не было преемника, который был бы лучше; другой ответ: кому-то он все же был нужен. Плохое состояние финансов было не только по причине отсутствия таланта у Д. А. Гурьева, но и в результате несоответствия расходов всех ведомств государственным доходам. Д. А. Гурьев свою отставку объяснил как удовлетворение его собственного желания. Являясь тринадцать лет министром, он проводил десять и более часов за письменным столом. Дела, его обременявшие, и лежащая на нем ответственность были столь велики, что прерывали нередко сон и расстроили его здоровье, что посему он еще в прошлом году просил увольнения, но Государь удержал его. Он потом возобновил свою просьбу и получил наконец желанную отставку. Документы подтверждают, что уход министра не сопровождался скандалом. Указ гласил: „Снисходя на прошение министра финансов Д. А. Гурьева по расстройству здоровья Всемилостивейше увольняем его от звания министра финансов, оставляя в управлении его кабинет и Министерство уделов“.⁴⁴ Не справившегося с управлением в одном

министерстве, его оставили министром другого министерства, которым он руководил с 1806 по 1825 г. Были и защитники у графа Д. А. Гурьева. Особенно восхваляли его деятельность противники Е. Ф. Канкрин: „Граф Гурьев никогда бы не согласился ни произвести, ни объявить банкротства; Канкрин же сделал и то и другое, объявив, что серебряный рубль стоит 350 коп. Граф Гурьев оставил 600 млн. бумажных рублей в обороте. Бумаги эти отчасти выкупились 70 млн. серебром, лежавшими в казначействе и представлявшими по тогдашнему курсу 245 млн. руб. Таким образом, ассигнациями оставалось 355 млн. руб. Гурьев был вполне русский человек, страстно преданный императору Александру I, боролся и благородно пал в неравной борьбе“.⁴⁵

ГРАФ Н. С. МОРДВИНОВ
О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОТЕКЦИОНИЗМА
И О ПОЛЬЗЕ ЧАСТНЫХ БАНКОВ

Участие в разработке финансово-экономических вопросов граф Николай Семенович Мордвинов (1754—1845 гг.) начал принимать в тот же год, когда М. М. Сперанский составил свой знаменитый „План финансов“.

В 1810 г. Н. С. Мордвинов был назначен членом Государственного совета и председателем департамента экономики. К тому времени он имел богатый жизненный опыт. Н. С. Мордвинов прожил долгую жизнь, он пережил многих царей и деятелей XVIII и XIX вв.— и М. М. Сперанского, и Д. А. Гурьева, успел стать советником Е. Ф. Канкрин. Во втором десятилетии XIX в. Н. С. Мордвинов выступал с позиций дворянского либерализма, его экономическая программа содержала мероприятия, способствовавшие развитию предпринимательства в России. Нас более всего интересует последняя треть его жизни — его заслуги в качестве экономиста и общественного деятеля. Но все же несколько слов следует сказать о становлении его как личности.

В десятилетнем возрасте, в 1764 г., как способный и одаренный ученик лучшего пансиона в Петербурге, Николай Мордвинов был взят Екатериной II во Дворец и воспитывался вместе с Великим князем Павлом Петровичем. Его кротость и благоразумие воспитатель граф Н. И. Панин ставил в пример наследнику престола. С детских лет в Николае Мордвинове жила страстная тяга к наукам. Он великолепно знал математику, в совершенстве владел многими иностранными языками: греческим, латинским, немецким, итальянским, английским, французским. Как его отец и дед, Н. С. Мордвинов служил на флоте. В грамоте, жалованной его прадеду Т. И. Мордвинову самоотверженно служившему малолетним царям Ивану и Петру Алексеевичу, было пожелание, „что бы впредь дети его — и внучата и правнучата — так же за нас Великих государей царей, и за наших наследников, и за все Отечество стояли крепко,

мужественно и верно".⁴⁶ Пожелание это стало пророческим. Его отец С. И. Мордвинов с отличием закончил французскую морскую школу, был участником создания Балтийского флота России, написал несколько книг по мореходству. И нельзя не согласиться с мнением, что ближайшее знакомство с деятелями XVIII столетия убеждает в том, что напудренные парики не были помехой возникновения в их головах грандиозных планов, а кружевные манжеты на бархатных камзолах не мешали их крепким рукам строить корабли и города, развивать промышленность и торговлю.

В двенадцатилетнем возрасте Николай Мордвинов поступил на службу гардемаринном, в 14 лет он стал мичманом, а в 20 лет был послан в Англию для совершенствования в морской службе, затем вернулся в Кронштадт на русский флот. На английских кораблях он плавал в Америку, побывал в Германии, Франции, Италии и в других странах. Н. С. Мордвинов участвовал в Турецкой войне 1793 г., был отмечен и награжден императрицей Екатериной II орденом Св. Владимира I степени.

По характеру Н. С. Мордвинов был человеком смелым, принципиальным и независимым. Так, в 1826 г. он единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам, хотя и не разделял их взглядов. Несколько раз Н. С. Мордвинов уходил в отставку, занимался науками, а потом вновь возвращался на службу. Так, при Екатерине II Н. С. Мордвинов вышел в отставку в знак протеста против самодурства Г. А. Потемкина. В 1792 г. в Херсоне, затем в Николаеве он энергично и успешно вел дела, когда Г. А. Потемкина уже не было.

Н. С. Мордвинов не терпел бумажной волокиты, он требовал, чтобы в просьбах и докладах излагалась только суть, принимал прошения, написанные на одной странице, а „для приучения к сокращению отдавал обратно, если нужно было повернуть лист“.⁴⁷ В том же 1792 г. Н. С. Мордвинов был произведен в вице-адмиралы, пожалован орденом Св. Александра Невского и назначен главнокомандующим Черноморским флотом. Перемены в его жизни часто совпадали со

сменой царей. Павел I приблизил его и произвел в адмиралы. Однако новые интриги, в частности приближенного ко двору неаполитанца Рибаса, вынудили в 1792 г. адмирала Н. С. Мордвинова уйти с морской и государственной служб.

После увольнения, весной 1799 г., он отправился с семьей в Крым, где построил дом, занимался хозяйством. Его дочь Надежда Николаевна вспоминала, что у него было обыкновение всегда давать себе отчет каждый вечер, с пользой ли он провел день.

Мордвиннов был произведен в вице-адмиралы, пожалован орденом Св. Александра Невского и назначен главнокомандующим Черноморским флотом. Перемены в его жизни часто совпадали со сменой царей. Павел I приблизил его и произвел в адмиралы. Однако новые интриги, в частности приближенного ко двору неаполитанца Рибаса, вынудили в 1792 г. адмирала Н. С. Мордвинова уйти с морской и государственной служб.

После увольнения, весной 1799 г., он отправился с семьей в Крым, где построил дом, занимался хозяйством. Его дочь Надежда Николаевна вспоминала, что у него было обыкновение всегда давать себе отчет каждый вечер, с пользой ли он провел день 48).

Молодой царь Александр I пригласил его вновь на службу, и опять изменилась его жизнь: он стал вице-президентом Адмиралтейской коллегии, а в 1802 г.— министром морского флота, но завистники вновь выжили его. Он уехал из столицы, жил с семьей в Белоруссии, затем в Киеве, Одессе. В 1806 г. решил обосноваться в Москве, но в 1809 г. он был призван в Петербург и, как сказано выше, в 1810 г. назначен членом Государственного совета. Начался плодотворнейший период его финансово-экономической деятельности.

Занятия экономикой и финансами, к которым он обратился с большим интересом, дали простор его широкому образованию и опыту. В 1821 г. он был назначен председателем департамента гражданских и духовных дел, членом трех комитетов: министров, финансов и земледельческого. В год отставки с поста

министра финансов Д. А. Гурьева (1823 г.) Н. С. Мордвинов был избран президентом Экономического общества.

Скончался граф Н. С. Мордвинов в марте 1845 г., похоронен в Александро-Невской Лавре.

Экономические прожекты Н. С. Мордвинова проистекали из глубокого понимания важности для страны экономической независимости. Он считал, что основная задача экономики России заключается в развитии производства, увеличении производимой продукции, создании наибольшего количества материальных благ. Для этого следует приложить к труду возможно большее число рук при наивысшей продуктивности их работы. Для этого, с одной стороны, необходимо увеличение народонаселения, а с другой стороны,— усиление интенсивности «народного труда».

Н. С. Мордвинов — ученик А. Смита и И. Бентама — не отождествлял общественное благо с интересами казны. Общее благосостояние, по его мнению, основано на благосостоянии частном, которое в свою очередь достигается личной, свободной предприимчивостью. Он был противником государственной опеки и казенной монополии. В то же время он защищал интересы российских предпринимателей. В противовес А. Смиту Н. С. Мордвинов обосновал необходимость промышленного протекционизма, ибо Россия в экономическом отношении не могла конкурировать на мировом рынке с более развитыми странами Европы. Н. С. Мордвинов дал развернутое обоснование промышленного протекционизма для России и отвергал теорию А. Смита о международном разделении труда и свободной торговле.

Следует отметить, что, хотя Н. С. Мордвинов не принял учения А. Смита для России, оно оказало на него большое влияние. Сочинения Н. С. Мордвинова были признаны его современниками и даже за границей пользовались большой известностью.

В своей работе „Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе" Н. С. Мордвинов предлагал изменить систему хозяйства России —

вывести ее „из земледельческого хозяйства в рукодельное и промышленное". Он дал реальную оценку экономического положения страны в двадцатые годы, пророчески отмечая, что „приближается время всеобщего возмущения".⁴⁹

Вопросам устройства финансовой системы России Н. С. Мордвинов уделял большое внимание и справедливо отмечал, что главной причиной быстро растущего дефицита, который с 10 млн. руб. в начале века возрос к 1803 г. до 152 млн. руб., являются непомерные расходы правительства. Н. С. Мордвинов в своих высказываниях о возможных путях сокращения дефицита был близок к концепции М. М. Сперанского. Он утверждал, что при сокращении количества бумажных денег в обращении ассигнации приблизятся к цене серебряного рубля.

Свои взгляды, высказанные в начале XIX в., он продолжал развивать и позже, доказывая необходимость девальвации. Денежная реформа, проведенная министром финансов Е. Ф. Канкриным в 1839—1843 гг., теоретически была подготовлена Н. С. Мордвиновым. Оздоровление финансов и приведение в порядок государственного бюджета, по их мнению, могли быть достигнуты лишь при сокращении привоза иностранных товаров.

В Россию допускался свободный доступ только самых необходимых товаров, а менее необходимые товары и предметы роскоши облагались высокой пошлиной, или ввоз их запрещался. В результате введения правительством запретительного тарифа 1810 г., на чем настаивал Н. С. Мордвинов, курс русского ассигнационного рубля поднялся с $6\frac{3}{4}$ шил. в 1811 г. до 11 — 12 шил. в 1812 г. Установление протекционистского тарифа повлекло рост фабричного производства в России (устройство новых фабрик стало выгодно) и повышение цен на промышленные товары отечественного производства. Н. С. Мордвинов писал: „...не только богатые коммерсанты и дворяне, но и среднего состояния люди приступили к устройству фабрик и заводов разного рода, не щадя

капиталов и даже входя в долги. Все оживилось внутри государства, везде водворилась особенная деятельность".⁵⁰

„Положение о торговле 1810 г." вызвало бурное негодование русских дворян и помещиков — потребителей импортной роскоши. Одновременно интриги и недовольство были направлены против М. М. Сперанского, о чем мы уже говорили выше. Под давлением консерваторов-помещиков М. М. Сперанского отстранили от дел. Н. С. Мордвинов объяснял и консерваторам, и защитнику их — министру Д. А. Гурьеву, что „всякий, желающий добра сельскому жителю, должен желать размножения в государстве фабрик", что одна из задач отечественной промышленности — производство сельскохозяйственных машин и орудий. При рассмотрении тарифа в конце 1815 г. Н. С. Мордвинов выступил с особым мнением, в котором отстаивал необходимость прочности и постоянства тарифа. Но все же протекционистский тариф к 1816 г. заменили более „легким", что привело к тяжелым последствиям для отечественного производства, разорению русских промышленников, упадку производства и не способствовало укреплению финансов.

Н. С. Мордвинов дальновидно отмечал, что успех России в свободной торговле в первую очередь зависит от развития промышленности внутри страны. По его мнению, „уменьшение дороговизны" зависит отнюдь не от изменения тарифа и разрешения ввоза иностранных изделий, а, во-первых, от принятия „усильных" и непрерывных мер к постепенному уменьшению иностранного курса. Во-вторых, от „рачительного усиления внутренних рукоделий", от увеличения капиталов, вкладываемых в промышленность, и от „законоположений к естественным правам собственности и к законной свободе торговли".⁵¹ Необходимость запретительной системы Н. С. Мордвинов обосновал тем, что таковая проводилась всеми народами Европы, оправдана веками и иллюстрируется мудростью и богатством Англии и очевидным упадком Испании и Португалии".⁵² Испанцев и португальцев он относил к земледельческим народам и видел причину такого положения в том, что в

этих странах были приняты системы неограниченного ввоза иностранных изделий, что привело к уничтожению собственных фабрик, промышленности и торговли.

Вокруг таможенной политики государства развернулась широкая дискуссия. Требование Н. С. Мордвинова о создании условий для развития русской промышленности, которая не могла выдержать конкуренцию с более развитой английской промышленностью, поддерживали не только российские промышленники и купцы, но и помещики — владельцы крупных мануфактур. Идею протекционизма поддерживали декабристы П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев и др. С защитой последовательно-запретительного тарифа выступал и министр финансов с 1823 г. Е. Ф. Канкрин, ибо таможенные пошлины являлись важным источником государственного дохода. Н. С. Мордвинов полагал, что размер пошлины играет важную и полезную роль в деле укрепления финансов и развития отечественной промышленности. Тем не менее тариф должен быть небольшим на сырье и полуфабрикаты, умеренным — на товары, употребляемые средним сословием населения, и высоким — на предметы роскоши.

С критикой идеи протекционизма в поддержку Д. А. Гурьева выступил выдающийся русский экономист и теоретик денежно-финансовых проблем декабрист Н. И. Тургенев. Но аргументы защиты свободы торговли у него были иные, чем у помещичье-дворянского сословия. Свобода предпринимательства в представлении Н. И. Тургенева означала не только свободу торговли, но и свободу политическую, неприкосновенность собственности, свободу личности. Сосредоточив главное внимание на требовании отмены крепостного права, Н. И. Тургенев допускал все же вмешательство государства в экономическую жизнь страны.

В свою очередь Н. С. Мордвинов в марте 1820 г. выступил против законопроекта, подготовленного Н. И. Тургеневым, о непродаже крестьян без земли. Их спор высвечивает разносторонние подходы к путям экономического

прогресса страны в условиях существования крепостного права и грядущих перемен, подготавливающих его неизбежную отмену.

Наряду с совершенствованием тарифной системы внимание Н. С. Мордвинова было приковано к созданию губернских банков в России и вопросам налоговой политики.

В истории идет дискуссия о том, в чьих интересах — купечества или дворянства — разрабатывались им проекты создания банков. Оставим этот спор пока в стороне и обратимся непосредственно к содержанию предложений Н. С. Мордвинова. Он отстаивал необходимость создания в стране разветвленной сети акционерных банков, так как справедливо считал, что один банк не может удовлетворить нужды всего государства. Устав Трудопоощрительного банка и проект Манифеста о его создании были переданы Н. С. Мордвиновым Александру I в декабре 1801 г. в период начала бурной реформаторской деятельности царя.

Спустя чуть более десяти лет, а именно в 1813 г., Н. С. Мордвинов предложил новый проект, изданный в 1816 г. под названием „Рассуждения о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков". Работы Н. С. Мордвинова были переведены на итальянский и французский языки. И если в России его идеи не нашли отклика у провинциального дворянства, то в Европе его сочинения о тарифных пошлинах, банках и мануфактурах привлекли внимание специалистов. В Милане в 1824 г. известным итальянским политэкономом Мелхиором Жойя была опубликована обстоятельная рецензия на работу Н. С. Мордвинова „Рассуждения о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков».⁵³

Он выдвигал идею создания частных банков в противовес Государственному, исходя из печальной необходимости госбанков постоянно участвовать в покрытии бюджетного дефицита. Частные банки, учрежденные не только в двух столицах — Москве и Петербурге, но и по всей стране, могли

бы сосредоточить распыленные средства и способствовать активизации предпринимательской деятельности. Н. С. Мордвинов справедливо полагал, что богатство государства зависит от частного обогащения, от частной пользы: „Благосостояние частное,— писал он,— есть начало и основание общественного; богатство частного человека — есть нераздельное богатство государства. Невозможно прикоснуться к первому, в ущерб оно, без причинения потери в последнем”.⁵⁴ Поэтому в „Проекте Трудопоощрительного банка” высказывалась идея о необходимости привлечения к общеплезному производительному труду всех сословий — дворян, купцов, мещан и крестьян. По проекту Мордвинова Трудопоощрительный банк был необычным не только для России, но и для других капиталистических стран. Устав банка предусматривал не только выдачу ссуд, но и целую систему поощрения хозяев и работающих. Так, хозяева, которые поднимут целину, засеют и удобряют земли на пространстве не меньше 60 десятин, разделив поля не меньше как на 4 части, получали награды 10000 руб., или 6000, или 4000 руб. А те из них, которые окопают поля рвом и обсадят растениями — колючим кустарником, получали награду от 8000 до 3000 руб. Кто „неудобность земли” исправлял глиной, песком или известью в зависимости от качества почв на площади не менее 12 десятин, получал премию от 6000 до 2000 руб.

С грустной иронией можно сказать, что в наши дни садоводы, исправляющие „неудобность земли” на своих 6 сотках, полученных на болотах, в карьерах и других неудобных местах, согласно идее Мордвинова, заслуживают немалых денежных наград.

Предлагалось выплачивать тысячные денежные награды и тем хозяевам, кто заведет английских или голландских быков, кто заведет породистых свиней, кто „введет в употребление” пахать землю плугами, а не сохами, на быках, а не на лошадях, или осуществить нечто „другое, сему подобное, для введения в империи Российской полезное”.⁵⁵

В „Проекте” и уставе подробно рассмотрены правила выдачи денежных ссуд, предусматривающие кроме ссуд под залог земель, заводов, мельниц и другого имущества ссуды без залогов лицам, „кои одарены знаниями и способностями”, чтобы создавать условия для расширения „всякого рода полезных ископаемых”. Правда, этим одаренным людям вменялось в обязанность выучивать своему ремеслу определенное количество учеников, „дабы сим способом могли умножаться в государстве искусные художники”.⁵⁶ Несомненно, предложенные Мордвиновым мероприятия по созданию банка были направлены на поддержку нового поколения деятельных российских предпринимателей, в том числе из дворян.

В том же буржуазно-либеральном духе был выдержан и другой проект Мордвинова, направленный на создание частных акционерных банков во многих губерниях России для возбуждения деловой активности, чего провинциальное дворянство боялось. Силы застоя и консерватизма противились осуществлению финансово-экономических проектов Мордвинова. Мордвинов в своих рассуждениях о пользе частных банков исходил из убеждения, что концентрация денежных капиталов, их постоянный оборот в виде кредитов способствуют „в государстве устройству благолепия и просвещения”, „умножают деятельность и порождают трудолюбие”.⁵⁷ Он посвятил первый раздел обоснованию важности науки управления деньгами, ибо считал, что „в ряду действующих в государственном составе сил первую признать должно денежную”.⁵⁸ По его мнению, деньги питают труд, промышленность, науки, общественные и военные силы.

Мордвинов в своей книге рассказал о „твердом и убедительном слове одного из опытнейших военачальников”. Когда его спросили: „Что надо для успешного ведения войны?», он ответил: „Деньги!”. Его дважды спрашивали: „Что нужно еще?” И он дважды отвечал: „Деньги, деньги”. Это в древние времена народы противопоставляли нашествию врагов, продолжал свои рассуждения Мордвинов, „храбрость сердец и телесные силы”. Но просвещенные

народы утверждают победу, по его мнению, „избыточным и превосходным запасом всего, что для успеха потребно, а запас этот стяжается деньгами”.⁵⁹

Итак, деньги Мордвинов трактует как главное орудие в управлении деяниями человеческими. Но важно не количество денег, а свобода и скорость их движения. Чем больше остается денег в руках трудящихся, считает Мордвинов, тем скорее возрастает общественное богатство. Поэтому он предлагает собрать монеты, лежащие праздно в сундуках, и пустить их в обращение. Но одного Санкт - Петербургского банка явно недостаточно, чтобы удовлетворить нужды жителей Минской, Курской, Пензенской и более отдаленных губерний. Ведь главные действия банков — учет векселей и заемных писем, ссуды под товары и прием временных вкладов — должны и могут совершаться на сравнительно малых территориях, обслуживаемых частными губернскими банками. В губернских банках вкладчику удобнее вносить и иметь ежечасную возможность требовать свои вклады. На малых пространствах лучше известно состояние промышленных и торговых дел каждого вкладчика. Мордвинов обосновывал необходимость учреждения частных банков в губерниях. Он тщательно разработал порядок взимания процентов за вклады, вносимые в банки, предложил меры по восстановлению упавшего достоинства бумажных денег. Итак, Н. С. Мордвинов создал одну из первых экономических программ развития России.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НА ОГНЕННОМ СТУЛЕ

РУССКОГО МИНИСТРА ФИНАНСОВ

ЕГОР ФРАНЦЕВИЧ КАНКРИН

В первой трети XIX в. финансовое положение России было обусловлено последствиями наполеоновских войн. С 1812 по 1839 г. имело место совместное обращение металлических и бумажных рублей, при этом бумажный

стоил в 3.5—4 раза дешевле металлического. В 1816 и 1817 гг. из-за обесценения бумажного рубля в обращении возросло количество металлических рублей (хотя их в этот период не чеканили). Это происходило двумя путями: во-первых, металлические деньги появились из домашних накоплений, где их припрятывали на черный день; во-вторых, они поступали в страну из других государств в виде оплаты за проданные товары. В 1816—1817 гг. возрос спрос за границей на наш хлеб по причине его дешевизны. Достоверность этого подтверждена таможенными сведениями — к нам ввезено золота и серебра в обмен за проданный хлеб: в 1814—1824 гг.—260 млн. руб.; в 1824—1934 гг.—262 млн. руб.; итого — 522 млн. руб.⁶⁰ Надо отметить, что запасы благородных металлов в России возрастали в этот период и за счет роста добычи золота на Урале.

Подготовка к проведению денежной реформы в России велась с 1823г.—года вступления Е. Ф. Канкрин на пост министра финансов. Принимались дальнейшие меры к увеличению золотого запаса страны. Так, в 1823 г. добыча золота составила 25 пудов, в конце 30-х гг. добыча золота значительно возросла и в 1842 г. дошла до 1000 пудов.⁶¹

Предшественник Е. Ф. Канкрин на посту министра финансов Д. А. Гурьев, деятельность которого рассмотрена выше, согласно плану М. М. Сперанского предложил для изъятия из обращения лишних бумажных денег получить металл путем внешних займов. План был принят, и были сделаны два внешних займа на 40 и 43 млн. руб. серебром, благодаря которым был изъят 181 млн. руб. ассигнациями. Но это извлечение ассигнаций не приостановило их обесценения. Е. Ф. Канкрин в дальнейшем принципиально выступал против внешних займов.

Жизнь Е. Ф. Канкрин и его заслуги по восстановлению металлического обращения мало освещены в историко-экономической литературе. Деятельность Егора Францевича Канкрин (1774—1845 гг.) в России началась при императоре Павле I и продолжалась при Александре I и Николае I. Какие причины побудили немецкого талантливую юношу, окончившего в Германии

университет и успешно служившего у герцога Бранденбургского в звании советника правления, приехать навсегда в Россию и обрести здесь свою вторую родину? Его отец Франц Людвиг Канкрин прибыл в Россию в 1783 г. по приглашению Екатерины II. И отец и дед⁶² были знатоками горного дела. Сочинения отца были изданы в 1773 г. в Германии в девяти томах, в России — в 1785—1791 гг. в 10 частях по горному делу и по архитектуре. В России высоко ценили умных и преданных стране людей. Отец Е. Ф. Канкрин участвовал в создании нашего законодательства технического характера. Его деятельность и преданность были отмечены правительством, он получал жалование 2000 руб. в год, а в случае смерти была назначена пенсия вдове тоже 2000 руб. в год. В 1798 г. Францу Людвигу Канкрину был пожалован Павлом I чин статского советника, а в подарок он получил дом в Санкт-Петербурге. Францу Людвигу Канкрину покровительствовали царедворцы. Так, всесильный А. А. Безбородько писал новгородскому наместнику, чтобы „мнения и представления его (Ф. Л. Канкрин) как человека, наполненного обширных (по соляной части) знаний, уважаемы были".⁶³ Для „поправления здоровья" и ради ученых занятий ему было разрешено на восемь лет с сохранением содержания уехать на родину в Германию. Возвратился он в Россию окончательно в 1796 г., а вслед за ним в 1797 г. прибыл его сын — будущий министр Егор Францевич.

Сначала Егор Канкрин помогал в делах отцу, позже служил советником отдела государственной экономии при Министерстве внутренних дел. С 1811 г. он служил в армии помощником генерального провиантмейстера, а в 1813 г. стал генеральным интендантом действующей армии.

На протяжении своей служебной деятельности Е. Ф. Канкрин проявил себя как честный и преданный чиновник. Егор Францевич Канкрин имел живой темперамент и чрезвычайно острый ум, был талантлив, имел глубокие теоретические познания в политической экономии и финансах. Он увлекался архитектурой,⁶⁴ играл на скрипке. Он отлично понимал требования реальной жизни, был чрезвычайно практичен, расчетлив и вместе с тем увлекался поэзией,

искусством, любил прекрасное во всех его проявлениях. Но в то же время был резок и угловат в манерах, небрежен в одежде.

Его умение писать бумаги и составлять документы отличалось точностью и краткостью суждений. Historики отмечают высокие деловые качества Е. Ф. Канкрина, его необыкновенную трудоспособность, он работал по 15 часов в день. На интриги, связанные с его именем, он не обращал внимания, беспощадно обличая злоупотребления. Его речь была краткой, с сильным немецким акцентом, лаконична и пересыпана русскими пословицами и поговорками. Е. Ф. Канкрин прославился тем, что едкими насмешками и остротами поражал своих противников и наказывал казнокрадов сильнее и страшнее, чем судебные разбирательства. Канкрин более 20 лет, по его выражению, сидел „на огненном стуле русского министра финансов“.

Преодолевать трудности в своей работе ему помогало благосклонное отношение не только Александра I, но и Николая I. Об этом ярко свидетельствует один инцидент. Царь Николай I вознамерился в начале года тщательно ознакомиться с состоянием дел департамента государственных имуществ, о чем велел передать Е. Ф. Канкрину. Сверх исполнительные царедворцы ради этого сообщения разбудили министра финансов ночью, наделав немало шуму и приведя Е. Ф. Канкрина в полное недоумение. Спустя несколько дней, 5 января, Николай I в извинительном письме сетовал на нерадивых помощников: „Мне и в голову не приходило, чтобы для сообщения сего стали Вас тревожить без великой нужды среди ночи! Вы, надеюсь, знаете с давних времен мое к Вам уважение: одиннадцать лет наших личных отношений обратили оное, могу сказать по истине, в искреннюю к Вам дружбу и благодарность — и в этом расположении к Вам, мог бы я решиться нанести Вам какую-либо неприятность?“⁶⁵

Е. Ф. Канкрин не любил «официальщину», служебные церемонии, так как они „дело заслоняют и проволочку делают, где только можно, надо их избегать“. Отношение к деятельности Е. Ф. Канкрина не могло быть однозначным. Одни осуждали, другие хвалили его.

Очень сжато и четко охарактеризовал Е. Ф. Канкрин В. Г. Бенедиктов в своих стихах. Приводим их в сокращении:

*Я помню: был старик — высокий, худощавый;
Лик бледный; свод чела разумно-величавый,
Весь лысый; на висках седых волос клочки Глаза под зонтиком и
темные очки. Правительственный сан! Огромные заботы!
Согбен под колесом полезной всем работы.
Угодничества чужд — он был во весь свой век
Советный муж, везде и всюду — человек.
В шинели серенькой, надетой в рукава,
В прогулке утренней протащится сперва
И возвращается в свой кабинет рабочий,
Где труд его кипит с утра до поздней ночи.
Угодно ль заглянуть вам в этот кабинет?
Здесь нету роскоши, удобств излишних нет;
И посреди всего — он сам, едва живой,
Он — пара тощих ног с могучей головой!
Крест-накрест две руки и метких глаз оглядка,
Да тонко сжатых губ изогнутая складка...⁶¹*

В этот период соотношение сил в господствующем привилегированном обществе России характеризовалось следующими данными: из 59 членов Государственного совета 51 человек имел земельную собственность и крепостных, в том числе у 39 членов были крепостные свыше 1 тыс. душ.⁶⁸ Правда, к середине XIX в. высшее законосовещательное учреждение — Государственный совет большой роли в решении экономических вопросов не играл.

Николай I писал, что „Совет существует в моем понятии для того, чтобы добросовестно высказать мне свое убеждение по тем вопросам, по которым я его спрашиваю, ни более, ни менее".⁶⁹

Возраст членов совета характеризовался следующим: 67.2 % его членов были старше 60 лет, а 23.6 % находились в возрасте от 71 до 85 лет.

Бюрократизация государственного аппарата России в 40—50-х гг. XIX в. выразилась в росте количества госучреждений и увеличении их штата. По сведениям инспекторского департамента гражданского ведомства, общее число чиновников составляло: в 1847 г.— 61 548 человек; в 1850 г.—71 819; в 1856 г.— 82 352 человека. Следовательно, за 9 лет численность чиновников возросла более чем на 30 %.⁷⁰

Высшим исполнительным органом являлся Комитет министров. Его состав — 20 человек, из них 13 министров и главноуправляющих ведомствами. Председателем Комитета министров, а также председателем Государственного совета был светлейший князь А. И. Чернышев.

Высшим административно-судебным органом являлся сенат, состоящий из 12 департаментов. В 1842 г. штат сената (включая канцелярских служащих) составлял 1650 человек. Департаменты возглавляли группы сенаторов.

Они составляли в сенате высшую бюрократию. В 1853 г. было 124 сенатора (в том числе два члена царской фамилии). По национальности высшая бюрократия распределялась следующим образом: русские — 80 %, немцы — 10, поляки— 10 %.

Среди этих людей были и доброжелатели, и критики министра финансов „из немцев“.

Большие заслуги Е. Ф. Канкрин перед Россией раскрывает его творческое наследие в области истории и теории финансов. До него о финансах и денежном обращении в России писали В. П. Безобразов, Н. Х. Бунге, И. Я. Горлов, И. И. Кауфман, А. Г. Брикнер.⁷¹

Однако работы Е. Ф. Канкрин охватывали более широкий круг современных проблем. Особое внимание в своих ранних трудах он уделял военной экономике, военным финансам, снабжению армии продовольствием. Е. Ф. Канкрину принадлежали многие экономические труды.⁷²

Свою деятельность Е. Ф. Канкрин подытожил в „Обзоре примечательных действий по финансовой части в течение последних 20 лет“, отправленном 12 марта 1843 г. Николаю I (см.: „Сведения и материалы по Министерству финансов 1865 г.“

Надо отметить, что Е. Ф. Канкрин не был сторонником больших изменений в управлении. Он перестроил деятельность только одной части Министерства финансов, а именно отдела, ведавшего финансированием добывающей промышленности, так называемой горной части. В вышеназванной работе он подчеркивал бесполезность внешних перемен в формах управления, упор делая при этом на то, что гораздо более важным является „заняться существенным делом“. Нам и сегодня надо помнить о замечании Е. Ф. Канкринина, которое гласит: „Наклонность к формализму и наружным переменам принадлежит у нас вообще к болезням управления“.⁷³

Назначению его министром финансов предшествовало участие в 1821 г. в конгрессе в г. Лайбахе, после возвращения, с которого в Россию он получил в 1822 г. звание члена Государственного совета по департаменту государственной экономии.

В 1823 г. (22 апреля) он сменил министра финансов Д. А. Гурьева. Это назначение в общественных кругах было встречено с неудовольствием. Утверждали, что этот ворчун, с резкими выходками, немец, по-русски говоривший с сильным акцентом, Россию не понимает и непременно ее разорит, но вышло по-другому. В области финансов он, несомненно, достиг заметных улучшений.

За 20 лет, которые Е. Ф. Канкрин возглавлял Министерство финансов, экономическое положение России значительно улучшилось. Он соблюдал большую осторожность относительно нововведений. „Не ломать, а постепенно улучшать“ — было его правилом.

Главные принципы Е. Ф. Канкринина в финансово-экономической политике заключались в следующем: 1) бережливость, экономия; 2) осторожность в пользовании государственным кредитом; 3) очень большая осторожность в

установлении новых налогов; 4) развитие отечественной промышленности; 5) упрочение денежной системы. Главная забота Е. Ф. Канкрин в упрочении денежной системы — это устранение дефицита бюджета 1823 г. Успешная работа генералом-интендантом в армии, его энергия и находчивость позволили русской армии в 1812— 1815 гг. быть обеспеченной продовольствием и сэкономить средства, ассигнованные на эту войну. Опыт и знания Е. Ф. Канкрин позволили ему доказать возможность сокращения бюджета путем сокращения расходов по военному и другим ведомствам. К сожалению, объективные обстоятельства — то война, то неурожай — нарушали расчеты Е. Ф. Канкрин.

В экономической литературе⁷⁴ Е. Ф. Канкрин представлен как реакционный идеолог дворянства. Однако он один из первых в России создал по поручению Александра I в 1818 г. проект освобождения крестьян, в котором признавал необходимость отмены крепостного права, хотя этот процесс представлялся ему очень длительным. Более того, он признавал, что барщина должна переходить в аренду за деньги, при этом утверждал, что для крестьян освобождение без земли хуже барщины.⁷⁵

Основная деятельность Е. Ф. Канкрин в роли министра финансов была нацелена на укрепление денежного хозяйства страны и ликвидацию дефицита бюджета. Естественно, что выполнение этой задачи сопровождалось жесткой экономией в хозяйственной жизни страны.

Экономическая теория, которой придерживался Е. Ф. Канкрин, изложена в его труде „Экономия человеческих обществ и состояние финансов". Он специально подчеркивал, что не считает целью общества возможно большую производительность труда и чистую прибыль. Целью является „общее, хотя бы и среднее благосостояние большей его части".⁷⁶

Богатство он делил на природное и производимое и считал, что оно основывается на „силах природы" и требует „более или менее сложной и утонченной работы". Доходы в сельском хозяйстве Е. Ф. Канкрин ставил в

зависимость от качества труда и капитала. На пост министра Е. Ф. Канкрин вступил в условиях, когда следы войны с Наполеоном еще были заметны в экономике страны, население было разорено, страна изнемогала от внутреннего и внешнего долгов. Это диктовало неизбежность решения ряда проблем внутренней и внешней торговли. Он выступал против теории свободного предпринимательства и свободной торговли, выдвинутой А. Смитом, поскольку Россия не была готова открыть свои рынки и отказаться от заградительных тарифов.

В 1824 г. Е. Ф. Канкрин провел гильдейскую реформу. „Дополнительное постановление о гильдиях и о торговле прочих состояний" от 14 ноября 1824 г. было подготовлено в связи с распространением промыслов, ростом числа крестьян-промышленников и сокращением крупных купеческих капиталов в городах. Это постановление просуществовало в первоначальном виде всего лишь год, к 1826 г. оно сильно изменилось.

Какова история подготовки и проведения гильдейской реформы? Еще Манифесты от 1 января 1807 г. и от 11 февраля 1812 г. значительно увеличили гильдейские повинности, но, с другой стороны, разрешали крестьянам и мещанам заниматься промыслами на более льготных условиях, чем городским купцам. В результате купцы постоянно жаловались, что горожане несут больше повинностей, чем торгующие крестьяне, завоевавшие городские рынки и успешно конкурирующие с городскими купцами. Е. Ф. Канкрин, будучи председателем Петербургского комитета, разрабатывал еще раньше мероприятия по устройству управления и финансов в столице.

В 1823 г. от городских купцов Е. Ф. Канкрину поступила „Записка о причинах упадка купеческих капиталов". В ЦГИА в фонде Общей канцелярии министра финансов (опись 9, 1823 г., дело 158) хранится экземпляр этой записки с многочисленными пометками Е. Ф. Канкрин.⁷⁷ При анализе этого документа П. Г. Рындинский исходил из распространенной в литературе 50-х гг. однозначной оценки деятельности Е. Ф. Канкрин как реакционного деятеля. В

действительности его деятельность была чрезвычайно разносторонней, и если он препятствовал распространению спекуляции и частного предпринимательства, то главным образом не ради торможения прогресса, а с целью оздоровления денежной системы страны. Финансовая деятельность Е. Ф. Канкрин историками, к сожалению, мало принималась во внимание, рассматривалась поверхностно.

Е. Ф. Канкрин отрицательно относился к корыстным целям купцов-горожан. Он писал: „Везде видны русские купцы, а не торговля российская". Требование снижения гильдейской подати не нашло поддержки у министра финансов, все помыслы которого были направлены на ликвидацию дефицита бюджета страны. В свою очередь Е. Ф. Канкрин подготовил 12 декабря 1823 г. свою записку, которую представил на рассмотрение Государственного совета. Через год была проведена торговая (гильдейская) реформа, которая в конечном счете несколько ограничивала тенденции к монополизации торговли купцами первой гильдии и расширяла права среднего городского купечества. Им предоставлялось право, как отмечал Е. Ф. Канкрин, заниматься заграничным торгом, „который они и без того производят разными подлогами, коих предупредить невозможно".⁷⁸ Тем самым легализовалась уже сложившаяся торговая практика. Купечество третьей гильдии было поставлено в определенные рамки, а расширение их предпринимательства хотя отнюдь не возбранялось, было ограничено требованием перехода в более высокую гильдию и уплатой в бюджет соответственно более высоких налогов.

Гильдейская реформа, предоставившая широкие возможности для иностранной торговли, была рассчитана и на то, чтобы „подстегнуть» застоявшиеся формы российской торговли и сделать ее способной успешно состязаться с иностранными торговцами, а также обеспечивать дополнительные поступления в бюджет и от торгующей части мещан, ремесленников и крестьян, которые раньше были освобождены от гильдейских платежей. Это оставляло лазейку для „отлынивания" от уплаты налогов путем перехода из сословия

купцов в сословие мещан, что раньше считалось унижительным. Крепостным крестьянам тоже разрешалось вести торговлю в рамках, разрешенных для третьей гильдии купцов, при условии уплаты соответствующих налогов.

Были получены выгоды и от мелкой торговли крестьян в городе овощами на лотках, в ларях, в „самоварах" и в „шкафах". Беспорядочная торговля „с рук" была запрещена еще при Екатерине II, но указ не соблюдался, и улицы больших городов наполнялись неорганизованными толпами мелких торговцев и спекулянтов, что, к сожалению, и сегодня можно наблюдать в Москве и других городах.

Реформа разрешала и мелкую торговлю, для чего были установлены два низких разряда торгующих крестьян со свидетельствами 5-го и 6-го разрядов, при условии, если они будут платить пошлины. Пошлину должны были платить и „сидельцы", т. е. наемные продавцы в чужих ларях.

Гильдейская реформа имела и недостатки. Она не использовала систему прогрессивного подоходного налога, о которой уже был поставлен вопрос в теоретических работах прогрессивных русских экономистов. Вместо обложения пропорционально обращающегося в торговле капитала использовалось простое номенклатурное перечисление товаров.

Е. Ф. Канкрин в 30-х гг. XIX в. все внимание сосредоточил на совершенствовании денежного обращения. Он живо интересовался исследованиями М. М. Сперанского, возвратившегося из ссылки. „Записка Сперанского о монетном обращении" была не только им изучена, но и послужила основой для высказывания своих мыслей. Под влиянием М. М. Сперанского Е. Ф. Канкрин просил государственного секретаря барона М. А. Корфа довести до сведения департамента государственной экономии, что предложенное им обращение бумажных ассигнаций в серебряные „посредством умеренного разменного фонда" не исключает увеличения их массы в дальнейшем, лишь бы „соразмерно сему усилить депозитальный фонд — мера, которая, впрочем, требует крайней осторожности, чтобы из положения существенных знаков ценности и

умеренного количества кредитных знаков не впасть в лабиринт умственного богатства и сверхъестественных оборотов общежития и промышленности, грозящей катастрофою при малейших неблагоприятных обстоятельствах, как то мы видели в Северной Америке и Бельгии".⁷⁹ Деятельность Е. Ф. Канкрин теперь полностью была нацелена на введение в обращение звонкой монеты.

ПРОВЕДЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1839-1843 гг.

БУМАЖНЫЕ РУБЛИ СТАНОВЯТСЯ СЕРЕБРЯНЫМИ

Подготовка к денежной реформе выразилась в составлении проектов реформы. Их было пять: проекты адмиралов Н. С. Мордвинова и Грейга были признаны непрактичными. Проекты денежной реформы М. М. Сперанского и Е. Ф. Канкрин были схожи по своей основе.

Преимущество проекта Е. Ф. Канкрин над проектом М. М. Сперанского состояло в том, что Е. Ф. Канкрин считал возможным провести реформу без внешнего займа и действительно провел ее, не прибегая к займу.

Монетная система, установленная в России в 1810 г. и восстановленная при министре Е. Ф. Канкрине в 1839 г., имела своим основанием монометаллизм и притом серебряный. До Е. Ф. Канкрин было бумажное денежное обращение. Эмиссия бумажных денег — явление знакомое в России с давних времен. К эмиссии государство вынуждено было прибегать одновременно с введением бумажных денег.

Первоначально выпуск бумажных денег в XVIII в. был одобрительно встречен населением, ибо они явились заменой громоздких и тяжелых металлических денег, были удобнее в обращении. Но количество ассигнаций в обращении быстро возрастало. В 1769 г. Екатериной II было выпущено

ассигнаций на 1 млн. руб. В 1769—1775 гг. выпуск ассигнаций использовался для финансирования войны с Турцией.

В связи с Отечественной войной 1812 г. эмиссия бумажных денег возросла с 212 млн. руб. в 1800 г до 836 млн. руб. в 1817 г.⁸⁰

Хотя ассигнации после войны с Наполеоном резко обесценились, против денежной реформы выступали помещики, для которых сохранение „дешевых денег" было выгодно, так как они несли ответственность за уплату податей крепостного крестьянства. Но необходимость оздоровления хозяйства страны настойчиво требовала преобразования денежной системы.

Прежде чем перейти к описанию хода реформы Е. Ф. Канкрин, следует коротко остановиться на проблеме государственного займа или кредита и его отношении к этому акту. Правомерность использования государственного кредита в XVIII—XIX вв. приветствовали прогрессивные общественные деятели в США — Б. Франклин и А. Гамильтон, в России — декабристы М. Ф. Орлов и Н. И. Тургенев. Классики буржуазной политической экономии А. Смит и Д. Рикардо, наоборот, отрицательно относились к займовым операциям государства. Они стремились свести государственные расходы к наименьшей возможной величине.

Е. Ф. Канкрин в целях устранения превышения расходов над доходами в бюджете России всячески препятствовал проведению государственных займов и кредитов. Он тормозил выделение государственных средств на расширение добычи металла в стране, отдавая предпочтение укреплению сельского хозяйства. Е. Ф. Канкрин пользовался кредитом осторожно. Он считал, что государственные долги не увеличивают народного благосостояния. „Строго говоря,— писал он,— к займам следует прибегать только тогда, когда они нужны для того, чтобы вывести государство из затруднительного положения или для общепользных мероприятий, не только дающих народному богатству проценты, но и погашающих долг, потому что тогда дается потомкам нашим эквивалент за антиципацию, сделанную нами на их счет".⁸¹

Е. Ф. Канкрин в последующие годы был подвергнут резким нападкам, когда стало известно, что при отрицательном отношении к займам он все же ими тайно пользовался. Е. Ф. Канкрин делал секретные займы в государственных банках из частных вкладов, лежавших без движения. При этом он сознавал опасность и возможность поставить в трудное положение банки, если бы вдруг увеличились востребования вкладов, и поэтому обращался к этому источнику с осторожностью и умеренностью. Кроме того, такие займы при обилии свободных сумм в банках облегчали последним выплату процентов вкладчикам.

На первых подступах к денежной реформе в 1831 г. были выпущены билеты государственного казначейства. „Билеты казначейские — суть обязательства, выдаваемые правительством вместо наличных денег, с определенным сроком платежа и с установленными процентами”.⁸² Билеты казначейские — разновидность кредитных билетов (наряду с векселями, заемными письмами и пр.), которые выступают как вспомогательные средства в монетном обращении. Билеты казначейства сочетали в себе характер кредитного срочного обязательства и государственного денежного знака. 13 июля 1831 г. был издан Манифест о постепенном выпуске трех первых разрядов этих билетов (каждый по 10 млн. руб.), т. е. общей суммой в 30 млн. Эта мера явилась наиболее действенным способом ускоренного получения государственных доходов.

М. М. Сперанский в письме Е. Ф. Канкрину от 27 мая 1831 г. выражал уверенность в совершенной необходимости выпуска новых билетов казначейства. М. М. Сперанский считал, что платить проценты по билетам излишне, а если уж платить, то только за один последний год (четвертый), — это даст ту выгоду, что билеты будут оставаться в обращении до четвертого года.

Выпуски билетов государственного казначейства Е. Ф. Канкрин повторил в 1834 г. (6 апреля—13 июля на 40 млн. руб. не на 6-летний, а на 4-летний, как в 1831 г., срок), а затем в 1839 г. 29 марта и в 1840 г. 12 апреля были выпущены казначейские билеты на 6 лет и на 8 лет, так что срок погашения

растягивался. Выгода от выпуска билетов государственного казначейства состоит в том, что проценты на них, как правило, оставались не востребованными.

Впоследствии министр финансов П. Ф. Брок⁸³ в 1855 г. из не востребованных процентов снял 9 млн. руб., а 3 млн. руб. оставил на случай, если владельцы все же будут требовать проценты.

Проведению денежной реформы способствовали и установившиеся в 30-х гг. разные курсы: вексельный, податный, таможенный, биржевой и простонародный. Эти курсы денег изменялись не только по времени, но и по местностям, что усложняло и запутывало расчеты. Так, например, разница между биржевым и народным курсами составляла от 3 до 18 %.

Попыткой преодолеть такое положение было запрещение сделок на монету по простонародным курсам, утвержденное 29 сентября 1837 г. на собрании Государственного совета. Меры для уничтожения лажей⁸⁵ были двух видов: запретительные и финансовые. Но было совершенно очевидно, что для окончательного устранения лажей необходим переворот в самой финансовой системе.

Е. Ф. Канкрин прилагал все усилия для установления фиксированной ценности ассигнационного рубля. Серебряный рубль приравнивался к 380—350 коп. В ряде мест России лаж был еще выше.

Было совершенно очевидно, что восстановить прежнюю стоимость обесцененного бумажного рубля нереально и невозможно. Поэтому было решено восстановить металлическое обращение путем девальвации.

Интересным мероприятием, поучительным для современных споров и раздумий о путях укрепления денежного обращения, явилось учреждение в 1839 г. депозитной кассы, выпускавшей депозитные билеты, обеспеченные серебром рубль за рубль. Это было важной вехой в денежной реформе Е. Ф. Канкрин.

Манифестом от 1 июля 1839 г. об устройстве денежной системы серебряный рубль был объявлен главной законной монетной единицей, а ассигнационный рубль допускался в качестве второстепенного знака. Отношение

ассигнаций к серебру составило 3'/г к 1. Итак, в основу денежного обращения положен серебряный рубль, равный 3 руб. 50 коп. ассигнациями. Это привело к прекращению престолярного лажа. Манифестом от 1 июля 1839 г. было положено начало перехода от ассигнационного обращения к кредитному.

Реформа Е. Ф. Канкрина не означала простой обмен бумажных денег по установленному курсу серебра, равному 3 руб. 50 коп., ибо это лишь уменьшило бы количество денег в обращении в три с половиной раза. Главное заключалось в том, что необходимо было придать деньгам фактическую прочность путем обеспечения их размена. Для этого и был заранее создан металлический фонд.

Возникает вопрос: почему монетной единицей было выбрано серебро, а не золото? Историк В. Т. Судейкин объясняет это так, что, во-первых, большинство европейских государств придерживалось двойной единицы (только Англия в 1816 г. перешла к золотой единице); во-вторых, в России по традиции исстари в обращении находилось серебро, хотя мы владели главным образом золотыми рудниками.⁸⁶

1 января 1840 г. при коммерческом банке была открыта депозитная касса для приема от населения золота и серебра в обмен на „депозитные" билеты (ценностью 3, 5, 10, 25, 50 и 100 руб.). В свою очередь депозитные билеты немедленно по предъявлении подлежали обмену на металл. Создание депозитной кассы оправдало полностью надежды на создание легкоподвижных знаков, разменных на металл. В результате уже через год в коммерческом банке образовался фонд до 38 млн. руб. и быстро продолжался его рост. Таким образом, был создан разменный фонд для будущих бумажных денег без всяких затрат.

Следующей ступенькой в проведении денежной реформы явился выпуск пятидесятирублевых кредитных билетов на сумму 30 млн. рублей (Манифест от 1 июня 1841 г.). Номинально их обмен обеспечивался всем достоянием государства. Но фактически для размена кредитных билетов был создан фонд, равный 'Д части количества выпущенных билетов.

Манифест от 1 июня 1823 г. завершил эту реформу выпуском государственных кредитных билетов. Было осуществлено окончательное объединение бумажноденежных знаков с государственными билетами, получившими повсеместное хождение наравне с серебряными монетами и обеспеченными всем достоянием государства и разменом на двойную монету.⁸⁷ Завершающим этапом реформы явилась полная замена ассигнаций кредитными билетами, размениваемыми на звонкую монету по предъявлению.

Для осуществления обмена бумажных денег вместо депозитной кассы при коммерческом банке была учреждена экспедиция государственных кредитных билетов. Обмен ассигнаций и депозитных билетов (выпущенных в 1840 г.) на кредитные билеты начался с сентября 1843 г. К этому времени был создан фонд для размена бумажных денег около 36 млн. руб., который в 1845 г. был равен уже 87 млн. руб.

В 1843 г. процесс изъятия ассигнаций из обращения и обмена их на кредитные билеты шел весьма успешно. Введение денег в виде кредитных билетов, которые имели хождение наравне с серебром, имело значительные выгоды: они высвобождали серебро, громоздкое в обращении, к тому же звонкая монета сильно стирается.

Денежная реформа Е. Ф. Канкринна значительно укрепила денежную систему страны. Узаконенный размен кредитных билетов (новых бумажных денег) на металл по предъявлении не вызывал ажиотажа. Наоборот, к обмену предъявлялось кредитных билетов меньше, чем ожидали организаторы проведения реформы. Более того, продолжалось поступление золота в обмен на кредитные билеты. Главная заслуга Е. Ф. Канкринна состояла в том, что он добился бездефицитного государственного бюджета. Надо отметить, что этому способствовала и проводившаяся таможенная политика, построенная на основе проповедуемой им теории протекционизма. Он ввел покровительственный тариф, способствовавший отмене запрета ввоза целого ряда товаров,⁸⁸ чем нацеливал

отечественную промышленность на улучшение качества производимой продукции.

Противники Е. Ф. Канкрин считали, что высокие пошлины привели к расширению контрабанды и увеличению злоупотреблений в таможенном ведомстве. Однако в действительности в этом ведомстве предпринятые Е. Ф. Канкриным улучшения сводились к следующему: в таможене усовершенствован контроль, улучшена и преобразована структура, большое значение придавалось подбору личного состава служащих.

В настоящее время, когда широко развиваются контракты с зарубежными странами, могут быть интересны для нас суждения Е. Ф. Канкрин о введенной им широкой практике заграничных стажировок служащих: „Сперва я отправлял (за границу) молодых людей, но они учились больше в трактирах и питывались пустым либерализмом, теперь я посылаю чиновников зрелых лет, коих поведение надежно, что гораздо выгоднее для службы".⁸⁹

В конечном счете, установленные таможенные пошлины обеспечивали большой доход в бюджет. При этом нельзя согласиться с мнением профессора Ф. М. Морозова, утверждавшего, что отсталая промышленность России нуждалась в запретительном тарифе. Такой тариф увековечил бы отставание отечественной технологии от мировых стандартов.⁹⁰

Е. Ф. Канкрин усовершенствовал счетную и казначейскую части, чем устранил много злоупотреблений в сборе доходов. Доходы казны сразу увеличились.

Если бы не упрочение денежной системы во время реформы Е. Ф. Канкрин, страна испытала бы гораздо большие трудности во время Крымской (1853—1856 гг.) и русско-турецкой (1877—1878 гг.) войн. Наличие бездефицитного бюджета позволило стране осуществить в 50-х гг. XIX в. эмиссию с целью покрытия военных расходов.

Однако расстройство денежной системы после Крымской войны не удалось преодолеть до самой реформы С. Ю. Витте, хотя и предпринимались

попытки достигнуть восстановления металлического обращения. В связи с этим уместно напомнить высказывание Е. Ф. Канкринна о финансах России в целом: „Что бы мы ни делали, а Россия всегда останется банкротом”,⁹¹ причину чего он видел в чрезмерных и нерациональных военных расходах.

Противники и критики денежной реформы Е. Ф. Канкринна упрекали его за уменьшение бумажноденежного долга в 3/4 раза. Но падение курса акций в начале XIX в.— не вина Е. Ф. Канкринна. Он лишь узаконил этот факт. Восстановление ассигнационного бумажного рубля до уровня серебряного обошлось бы государству чрезвычайно дорого, а главное, было бы очень непрактично и привело бы к образованию незаслуженной прибыли у одних и убытков у других.

Денежно-кредитной реформой Е. Ф. Канкринна, в конечном счете, у нас не было создано кредитной системы, а лишь осуществлено улучшение системы ассигнационной. Денежное обращение осталось исключительно во власти государства. Правительство же, особенно после смерти Е. Ф. Канкринна, без его противодействия и под влиянием внешних факторов, для финансовых и военных целей продолжало выпускать бумажные деньги. Если в 1845 г. их было выпущено на 183.4 млн., то в 1847 г. количество бумажных денег превысило 300 млн. руб.⁹²

Итогом мудрости и жизненного опыта явились очерки Е. Ф. Канкринна по политической экономии, изданные им в Париже в 1844 г. после ухода с поста министра финансов, за год до смерти, и в Санкт-Петербурге на русском языке 50 лет спустя, в 1894 г.

Е. Ф. Канкрин считал предметом политической экономии учение о национальном богатстве, которое делил на два вида: природное богатство и богатство производительное, т. е. производство и его результаты. Простое природное богатство в свою очередь он делил на общее и частное. Для него было очевидным, что „воздух, свет, теплота, вода и разные другие силы природы” являются богатством общим. Он справедливо отмечал, что такие природные

богатства, как, например, дикie ягоды, которые надо искать и собирать, или табуны, которые надо сторожить и о них заботиться, являются результатом труда.

В своем учении о производстве реформатор находился во власти физиократических взглядов на природу: не только труд, но и прямые силы природы он считал „источниками производства“.

Интересны его суждения о собственности. Являясь ярким сторонником сохранения феодальных основ государства, он обходился без термина „частная собственность“, столь спорного в 90-е гг. XIX в. Он считал, что собственность бывает: государственная, семейная и общинная. Семейная и общинная подразделяются на находящуюся только в пользовании и находящуюся в полном распоряжении.⁹³

Из многолетнего опыта и наблюдений Е. Ф. Канкрин сделал вывод, что государственное имущество, благотворительные заведения и вообще общественные земли, как правило, неизбежно приносят меньше дохода, чем земли, составляющие частную собственность.⁹⁴ Даже если общественной собственностью заведуют лица с должным запасом хозяйственных сведений и с любовью к делу, деятельность их менее продуктивна. А дело тут „в крайней небрежности сверху. Все дела ведутся на авось“.⁹⁵ А казалось бы, почему бы общественным учреждениям, в особенности благотворительным, вместо формальностей и составления разных отчетных табличек и сведений не заняться сущностью дела? Интересны для современных комиссии и благотворительных фондов поучения Е. Ф. Канкрина о целях лиц, заведующих общественной собственностью: их целью должно быть не формальное заведование, а получение наибольшего дохода.

Е. Ф. Канкрин об общинной земельной собственности писал, что великорусские казенные и удельные крестьяне владеют землей только общинно. Но земля в действительности принадлежала государству и уделам, хотя крестьяне и смотрели на нее как на свою общинную собственность, тогда как она у них, без

сомнения, находилась только в пользовании.⁹⁶ Через каждые 20 лет проводилась ревизия населения и каждая семья получала земли столько, сколько оказывалось в ней мужчин, способных ее обрабатывать и нести податную повинность. Так что тот, у кого мало взрослых работников, получал меньший участок.

Такой порядок владения землей делает очевидным то преимущество, что среди казенных и удельных крестьян, владеющих общинной землею, „вовсе нет безземельных поденщиков, пролетариев, вообще вовсе нет в строгом смысле нищих". В то время как передача земли в пользование крестьянам ведет к тому, что он „употребит скорее свою работу и капитал на торговлю и извоз, чем на дорогостоящую разработку земли".⁹⁸

С большим знанием дела, на основе исторических примеров и опыта своей деятельности в роли министра финансов, рассуждал Е. Ф. Канкрин о понижении и повышении курса бумажных денег. Если в обращении есть недостаток в бумажных деньгах, то выпуск их приносит прибыль. Так было в России во времена Екатерины II, в первое время выпуска ассигнаций.

Если же бумажных денег чересчур много, то они начинают падать в цене. „Падение бумажных денег представляет картину оригинальных фазисов".⁹⁹ Оно несколько не зависит от статистических данных, которые обычно бывают известны немногим лицам в правительстве. Просто в народе возникает какое-то трудно определимое тревожное беспокойство: не чересчур ли много стало бумажных денег?

Возникает всеобщее недоверие, которое понижает курс бумажных денег. Это влечет за собой запутанность и убытки в денежных оборотах общества.

Правительство тогда делает разного рода попытки поддержать ценность денег, но, по мнению Е. Ф. Канкрин, оно, как правило, бродит ощупью.¹⁰⁰

Рано или поздно правительство вынуждено приступить к коренной денежной реформе. Е. Ф. Канкрин считал всего естественнее — это прекратить дальнейшую эмиссию бумажных денег.¹⁰¹ Худшим вариантом, по мнению его, будет направление денег „сполна или отчасти в какой-нибудь процентный

долг".¹⁰² Не стоит обременять народ еще новой тягостью процентов, когда уже нависла беда и вред нанесен.

Е. Ф. Канкрин выражал предположение, что повышение курса бумажных денег может произойти и без всяких особых мер. Для этого необходимо доверие народа к правительству и сознание того, что значительное количество бумажных денег нужно стране для преодоления временных трудностей. Кстати, Е. Ф. Канкрин дал свою

оценку сущности бумажных денег. Неверно, по его мнению, считать их государственным долгом. Скорее, они имеют сходство с ухудшенными металлическими монетами — это особого рода затаенный налог, с помощью которого правительство завладевает частью имущества членов государства. Это, пожалуй, является хищением, которое остается „безуплатным и невозвратным“, так как нельзя вычислить убытки отдельных лиц.

Итак, к заслугам Е. Ф. Канкрина в первую очередь следует отнести оздоровление денежного обращения в стране путем восстановления металлического обращения. Он поднял ценность рубля после его беспрецедентного падения. Его заслуга в укреплении протекционистской системы, а также усовершенствовании государственной отчетности и счетоводства. Благодаря строгому контролю над расходами, использованию откупной системы и четкой таможенной политике он добился бездефицитных бюджетов и существенного улучшения финансового положения России.

* * *

СНОСКИ:

¹ См.: Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности.—СПб., 1859.— Ч. III.—С. 31.

² См.: Бржевский Н. Б. Государственные долги России.— СПб., 1884.— С. 165.

³ См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР.— М., 1952.— Т. I.— С. 286.

⁴ См.: Падейский Н. Финансы России // Советские финансы.— 1944.— № 6.— С. 38.

⁵ См.: Гейц Ф. Ф. Ефимки.— М., 1913.— С. 41.

⁶ См.: Нумизматический сборник.— 1977.— Ч. V.— Вып. I.

⁷ См.: Радищев А. Н. Записки о податях Петербургской губернии. Поли. собр. соч.— М.; Л., 1952.— Т. III.

⁸ См.: Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I,— СПб., 1908.— С. 121.

⁹ См.: Пытин А. Н. Указ. соч.— С. 128

¹⁰ См.: Пытин А. Н. Указ. соч.— С. 130.

¹¹ См.: Сперанский М. М. Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрина.— СПб., 1985.

¹² Пытин А. Н. Указ. соч.— С. 130.

¹³ Там же.— С. 182.

¹⁴ Корф М. А. Жизнь графа М. М. Сперанского.— СПб., 1861.— Т. I.— С. 137.

¹⁷ Сперанский М. М. План финансов.- С. 6, 8.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.— С. 31

²⁰ Там же.— С. 33.

²¹ Там же.— С. 56.

²² Сперанский М. М. План финансов.— С. 60.

²³ Сперанский М. М. Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрина.— С. 5.

²⁴ См.: История русской экономической мысли. М., 1958.— Т. I, ч. 2. С.57.

²⁵ *Сперанский М. М.* Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрина.— С. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ *Сперанский М. М.* Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрина.— С. 6.

²⁹ *Сперанский М. М.* План финансов.— С. 30

³⁰ *Граф М. М. Сперанский:* Философские отрывки и афоризмы // Русская старина.— 1872 — Т. V № 1 — С. 75.

³¹ Там же.

³² История русской экономической мысли.— М., 1955.— Т. I, ч. 1.— С. 613.

³³ Там же.— 1958.— Т. I, ч. 2.— С. 41.

³⁴ См.: *Дроздов В. А.* Денежные реформы капиталистических стран // Экономическая энциклопедия.— М., /972.— Т. I.— С. 392—398.

³⁵ См.: Наши государственные и общественные деятели.— СПб., 1891.— С. 407.

³⁶ См.: Экономическая энциклопедия.— М., 1973.— Т. I.— С. 414

³⁷ См.: Наши государственные и общественные деятели.— СПб., 1891.— С. 415—416.

³⁸ *Иконников В. С.* Граф Н. С. Мордвинов.— СПб., 1873.— С. 178.

³⁹ *Иконников В. С.* Указ. соч.— С. 301.

⁴⁰ *Божерянов И. Н.* Граф Егор Францевич Канкрин.— СПб. 1897. — С. 74.

⁴¹ Русская старина.- СПб, 1881.- Т. XXXII.- С. 672.

⁴² См.: *Божерянов И. Н.* Указ. соч.— С. 76.

⁴³ См.: *ожерянов И. Н.* Указ. соч.- С. 81.

⁴⁴ Там же.— С. 87.

⁴⁵ *Божерянов И. Н.* Указ. соч.— С. XVIII.

⁴⁶ Архив графов Мордвиновых.— СПб., 1901.— Т. I.— С. IV.

⁴⁷ *Мордвинова Н. Н.* Воспоминания об адмирале, графе Н. С. Мордвинове СПб., 1873.— С. 127.

48 *Мордвинова Н. Н.* Указ. соч.— С. 35.

⁴⁹ *Мордвинов И. С.* Избранные произведения.— М., 1945.— С. 28.

⁵⁰ *Мордвинов Н. С.* Рассуждения о внешней российской торговле // Архив графов Мордвиновых.— СПб., 1901.— Т. VI.— С. 362.

⁵¹ *Мордвинов Н. С.* Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе.— СПб., 1833.— С. 42—43.

⁵² Там же.— С. 65.

⁵³ См.: *Мордвинов Н. С.* Избранные произведения.— С. 183.

⁵⁴ *Мордвинов Н. С.* Записки для памяти // Архив графов Мордвиновых.— СПб., 1903.— Т. IX.— С. 9.

⁵⁵ *Мордвинов Н. С.* Устав государственного Трудопоощрительного банка // Избранные произведения.— С. 71.

⁵⁶ Там же.— С. 57.

⁵⁷ *Мордвинов Н. С.* Избранные произведения.— С. 148.

⁵⁸ Там же.— С. 121.

59 *Мордвинов Н. С.* Избранные произведения.— С. 134.

⁶⁰ См.: *Судейкин В. Т.* Восстановление в России металлического обращения.— М., 1891.— С. 29.

⁶¹ См.: *Лебедев В. А.* Граф Егор Францевич Канкрин — СПб 1896.— С. 11.

⁶² Предки Е. Ф. Канкрин были ученые, происходили из средних классов пасторов и офицеров.

⁶³ *Сметковский Р. И.* Канкрин Егор Францевич — его жизнь и государственная деятельность.— СПб., 1893.— С. 11.

⁶⁴ Во время управления Е. Ф. Канкрин в Петербурге воздвигнуты здание таможни, биржевые пакгаузы, здание

технологического института; в Москве — здание биржи; в Кронштадте — таможня и лесная биржа и многие другие здания.

⁶⁵ Очерк о жизни и государственной деятельности графа Канкрина.— С. 26.

⁶⁶ *Божерянов И. Н.* Указ. соч.— С. 225.

⁶⁷ *Божерянов И. Н.* Указ. соч.—С. 1.

⁶⁸ См.: *Зайончковский П. А.* Высшая бюрократия накануне Крымской войны // История СССР.— 1974.— № 4.— С. 156.

⁶⁹ *Зайончковский П. А.* Указ. соч.— С. 155.

⁷⁰ Там же

⁷¹ К сожалению, их деятельность в области финансов была известна не всем специалистам, поэтому приводим краткие сведения. *Владимир Павлович Безобразов* (1828—1889 гг.) — экономист, академик, преподавал финансовое право в Александровском лицее, служил в Министерстве финансов. Выступал против крепостничества, за буржуазные реформы. *Николай Христианович Бунге* (1823—1899 гг.) — министр финансов в 1881—1886 гг., а затем в 1887—1895 гг. председатель Кабинета министров. Сторонник протекционистской политики строительства государственных железных дорог, развития машиностроения. *Александр Густавович Брикнер* (1834—1896 гг.) — историк России XVII и XVIII вв., особое внимание уделял истории культуры и финансов. *Иван Яковлевич Горлов* (1814—1890 гг.) — экономист и статистик, автор учебника „Теория финансов" (1841 г.). *Илларион Игнатьевич Кауфман* (1848—1916 гг.) — экономист, специалист в области истории финансов. Интересна его работа „Из истории бумажных денег в России".

⁷² См.: *Граф Канкрин Е. Ф.* Очерки политической экономии и финансии.— СПб., 1894; *Канкрин Е. Ф.*: 1). Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости, составленная в 1818 г. // Русский архив.— М., 1865.—

С. 1360—1379; 2) Краткое обозрение российских финансов // Сборник Императорского русского истопиче-ского общества.—СПб., 1881.— Т. 31.

⁷³ *Лебедев В. А.* Указ. соч.— С. 16.

⁷⁴ См.: *Боровой С. Я.* Канкрин и „Канкрин реформа“ // Историческая энциклопедия.— М., 1965.— Т. 6; *Туманова Л. В.* Канкрин // Экономическая энциклопедия.— М., 1975.— Т. 2.— С. 9; *Морозов Ф. М.* Русская экономическая мысль XIX в. // История русской экономической мысли.— М., 1958.— Т. I, ч. 2.— С. 29—40.

⁷⁵ См.: *Канкрин Е. Ф.* Экономия человеческих обществ и состояние финансов // Библиотека для чтения.— СПб., 1846.— Т. XXVI, отд. IV.—С. 27.

⁷⁶ Там же.— С. 2.

⁷⁷ См.: *Рындзинский П. Г.* Гильдейская реформа Канкрин 1824 года // Исторические записки.—М., 1952.— Т. 40.—С. 110—140.

⁷⁸ *Рындзинский П. Г.* Указ. соч.— С. 116.

⁷⁹ *Канкрин Е. Ф.* **Письмо министра финансов Государственному секретарю** // Записка о **монетном обращении** с замечаниями **графа Канкрин**.— С. 59—60.

⁸⁰ См.: БСЭ.— Т. 8.— С. 104.

⁸¹ *Лебедев В. А.* Указ. соч.— С. 6.

⁸² *Канкрин Е. Ф.* **Письмо министра финансов Государственному секретарю** // Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрин.— С. 59—60.

⁸³ *Петр Федорович Брок*, сенатор, был министром финансов с 19 апреля 1853 г. по 23 марта 1858 г.

⁸⁴ См.: *Лебедев В. А.* Указ. соч.— С. 11.

⁸⁵ *Лаж (ажуо)* — отклонение в сторону превышения рыночной „цены“ золота, выраженной в бумажных деньгах, по сравнению с количеством бумажных денежных знаков, номинально представляющих данное количество золота. Лаж также означает отклонение в сторону превышения рыночного курса денежных знаков, векселей и других ценных бумаг от их нарицательной стоимости.

⁸⁶ См.: *Судейкин В. Т.* Указ. соч.— С. 57—58.

⁸⁷ См.: *Витте С. Ю.* Представление министра финансов об исправлении денежного обращения от 14/ III 1896 г. // Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг.— Пг.; М., 1922.—С. 151.

⁸⁸ См.: История русской эк. мысли. М., 1958 Т. I, ч. 2.— С. 37.

⁸⁹ *Божерянов И. Н.* Указ. соч.— С. 225.

⁹⁰ См.: История русской экономической мысли.— С. 37.

⁹¹ Наши государственные и общественные деятели.— С. 401.

⁹² См.: *Лебедев В. А.* Указ. соч.— С. 12.

⁹³ См.: *Граф Канкрин Е. Ф.* Очерки политической экономии и финансов.— С. 11.

⁹⁴ Там же.— С. 64.

⁹⁵ Там же.— С. 65.

⁹⁶ См.: *Граф Канкрин Е. Ф.* Очерки политической экономии и финансов.— С. 11

⁹⁷ Там же.— С. 66.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.— С. 99.

¹⁰⁰ См.: *Граф Канкрин Е. Ф.* Очерки политической экономии и финансов.— СПб., 1894.— С. 100.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

Конец первой книги